

# СТРАХ



16+

Олег Скляр

**Страх**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

**Скляр О. Ю.**

Страх / О. Ю. Скляр — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-06770-7

В этой книге представлены три произведения о событиях на Кавказе в 1994-2004 годы.

ISBN 978-5-532-06770-7

© Скляр О. Ю., 2019  
© ЛитРес: Самиздат, 2019

# Содержание

Предисловие	5
Страх	6
Конец ознакомительного фрагмента.	37

## Предисловие

О той Кавказской войне написано много, но всего о ней написать невозможно. Невозможно раскрыть всей правды той войны, потому что для каждого из ее участников есть своя, особая правда. Каждый из них нашел в той войне свою судьбу, и у каждого она разная.

В этой книге автор представляет три произведения о событиях той войны – повесть «Страх», и два очерка «Качели» и «Шамхан».

Сам автор является непосредственным участником происходивших тогда событий.

Эти произведения не являются ни документальными, не автобиографическими. Они также не являются мемуарами. Это художественные работы. И образы героев, этих произведений, хоть и имеют своих прототипов, но все же, по понятным причинам – собирательны.

То этим же причинам автор не указывает конкретных имен героев, и конкретных мест событий, описанных в произведениях. Даже сами события, отличаются от реально происходивших, неизбежным для художественной литературы, присутствием элементов художественного вымысла. Ведь основная цель представленных в этой книге работ, это не описание каких-либо конкретных фактов, а попытка раскрыть характеры участников той войны, с их мыслями, их чувствами, их переживаниями. Всех участников, и с одной, и с другой стороны противостояния.

Вам читать, вам судить.

*...Пусть услышат живые, пусть все поколения узнают эту взятую с боем нелегкую правду солдат...*

Семён Гудзенко

## Страх

Сентябрь. Солнце, по-прежнему ласковое, но уже не такое знойное, как в разгар лета, перевалило за зенит и начинало клониться к закату. Не по-осеннему мягким теплом оно все еще согревало склоны остывающих гор, раскинувшихся многочисленными хребтами от Черного моря до Каспия.

В самом сердце этих гор запряталась небольшая долина, тесно зажата со всех сторон скалистыми отрогами. Узкая полоса ровной, высохшей за лето земли, как будто нечаянно заблудилась в этой дикой каменной глуши.

У подножия сбегавшего в долину горного склона, с краю пожелтевшего поля серым крестом пересекались асфальтная дорога и старая горная тропа.

Дорога вела из районного центра в соседний район. Изогнувшись дугой, она протянулось вдоль неширокого поля, как бы оберегая его от наступающих со всех сторон гор.

Уже немало лет дорога стояла почти без движения. Лишь изредка пропылит по ней выдавший виды «жигуленок» или старый, отчаянно скрипящий вконец изношенными рессорами «ЗИЛок», управляемый суровым горцем.

Проложена она была очень давно, еще до Великой Отечественной войны. Дорожное покрытие кое-где понемногу потрескалось, обочины местами щербатились небольшими рытвинами. Её уже давным-давно не ремонтировали, но она как будто и не нуждалась в этом. Несмотря ни на что, она все еще жила, и по-прежнему весело блестела на солнце качественным сталинским асфальтом.

Со стороны голого, покрытого высохшей травой скалистого хребта, неожиданно, как будто из засады, к дороге скатывалась с гор узкая горная тропа. Давно непроезжая и нехожая, всеми забытая, она была древняя, как быль. Все ее каменистое тело глубоко исполосовано следами от окованных металлом колес тяжелых повозок, проходивших здесь когда-то караванов. Было ей, по всей видимости, лет пятьсот, а может быть, и больше.

Мертвыми неровными кольцами сползала она к серому асфальту, как будто умирающая змея стремилась вцепиться в последнем рывке наполовину выпавшими зубами в живущую еще дорогу и высосать пульсирующую в той жизни.

Эта старая тропа в беззаботные и пьяные семидесятые годы двадцатого столетия неизвестно зачем местами и понемногу тоже была покрыта асфальтом. Несколько раз по ней даже пытались ездить. Но вскоре, поняв тщетность попыток вернуть ее к жизни, тропу забросили и навсегда забыли о ней.

Прошли годы. Ветры и дожди сделали свое дело, и асфальт с тропы был смыт навсегда. Редкие остатки его неровными рваными клочьями серели на тропе, как куски старой кожи на высохшем теле мертвой гадюки. Талые воды, весело журча, издевались над ее немощью и каждую весну оставляли на ее теле глубокие шрамы длинных промоин, делая ее уже не только непроезжей, но местами даже трудно проходимой.

В километре от перекрестка дорог, в дальнем углу долины, тесно прижимаясь к горам, словно ища у них защиты, по-стариковски дремал небольшой горный поселок. К нему, вдоль дороги, почти от самого перекрестка широкой линией тянулся уже покрывающийся желтой листвой старый, но довольно обширный фруктовый сад, густо поросший высокой травой.

В центре поселка едва-едва возвышался минарет крошечной мечети. Деньги на её строительство собирали всей общиной. Она была единственным новым строением, возведенным в поселке за последние два десятилетия. По этому случаю сюда даже приезжало какое-то начальство из района с работниками местного телевидения. Снимали репортаж о том, как жители на собственные средства отстроили новую мечеть.

На небольшой площади, прямо напротив мечети, стоял единственный в поселке магазин. Даже не магазин – ларёк. В нем можно было купить всякую мелочь. Продукты из города, какие-то предметы домашней утвари и даже кое-что из вещей.

Там же, под сенью старых чинар, прячась от летнего зноя, собирались местные жители, чтобы обсудить новости, решить какие-то вопросы да просто пообщаться.

На окраине поселка доживали свой век брошенные, еще советские, никому уже не нужные помещения бригадной овчарни и гаража.

Когда в стране забурили перестройка с приватизацией, и страна отчаянно и без оглядки, как будто в пьяном угаре, вдруг бросилась строить капитализм, колхоз благополучно разорился. Бригаду расформировали. Бригадный транспорт, оборудование и техника разошлись по рукам. Колхозный скот кто-то куда-то вывез. Что-то каким-то образом было приватизировано, что-то просто украдено. На том бывшие надежды на скорое построение коммунизма, всеобщее равенство и братство, как-то совсем незаметно и неожиданно для всех канули в Лету. И в этом маленьком поселке, как и во всей большой стране, началась другая, новая жизнь. Она неожиданно и одним махом сломала всё то, к чему так давно привыкли, всё, что вселяло уверенность и считалось незыблемым. Эта жизнь была не совсем понятна своей новизной и неопределенностью, и потому пугающая.

Перед поселком лежало покрытое сухой желто-серой травой небольшое поле, полого скатывавшееся от склонов гор к горной речке. Оно давно уже не обрабатывалось. Да и собственно говоря, обрабатывать его было некому. Народу в поселке было мало. А молодежи так и вовсе не было.

Многие уже давно уехали в город, а кое-кто и в другие регионы страны, чтобы осесть там и попытаться начать новую для себя жизнь в надежде, что там, когда-нибудь они сумеют найти свое счастье.

Вот и лежало поле, как всеми брошенный и забытый старик, неухоженное и никому ненужное. В нем почувствовали себя законными и единственными хозяевами быстро расплодившиеся дикие кролики. И теперь местные мужчины изредка выходили в поле на них поохотиться.

По дну долины, как бы рассекая ее почти надвое, протекала неширокая горная речка, заключенная в каменистые берега, поросшие зарослями колючей облепихи, неся свои воды куда-то в сторону Каспия. Разливаясь к летним месяцам, она оглушала шумом мощного потока всю долину, но потом понемногу обмелевала и затихала к осени.

Как и положено горным речкам, она ежегодно меняла свое русло. И там, где в прошлом году было по щиколотку воды, в будущем уже могла образоваться глубокая яма. Такие ямы раньше были любимым местом поселковой детворы. Все лето оттуда были слышны всплески от плюхающихся в воду детских тел, нескончаемый галдеж и радостные крики. Но уже давно всего этого не было. Мало кто отправлял на лето своих чад к родителям в этот горный поселок. И над водой стояла тишина, тревожимая лишь редким щебетом пролетающих мимо птиц.

К началу осени речка почти высохла и превратилась в несколько отдельных ручейков, то сходящихся вместе в один неширокий поток, то опять разбегающихся по всему руслу несколькими тонкими, едва журчащими лентами. Иногда, после редких летних дождей, она, немного наполнившись и как будто набравшись сил, вдруг звонко и радостно неслась вниз по камням, веселя своим внезапным шумом тихую долину. Но дождь заканчивался, поток ослабевал, и долина вновь наполнялась дремотной тишиной.

На склонах, подступающих к долине гор, паслось несколько небольших отар овец. Тихо. Безлюдно. Даже пастуха не видно. Казалось, что овцы сами пришли туда, сами пасутся и так же самостоятельно вернуться в свои овчарни на ночь. А утром снова сами уйдут пастись в горы.

И так изо дня в день. Глушь. Тихая, дикая, никем не тревожимая глушь, пропахшая пряным запахом засыхающих осенних трав.

Выгоревшие за лет безлюдные горы высятся желтыми горбами над полем, над поселком, над рощей, над отарами.

Молча и сурово смотрят они на позиции опорного пункта одинокого мотострелкового взвода, как будто случайно сюда забредшего.

Командиром этого взвода был молодой, недавно выпустившийся из военного училища лейтенант. Взвод прибыл сюда несколько месяцев назад и двумя десятками ошалелых от неизвестности и новизны глаз поначалу внимательно и тревожно осматривал эту тихую долину, этот поселок, эти горы, спускающиеся к нему со всех сторон, как будто ожидал чего-то.

Чего?

Тогда на это никто не мог дать точный ответ. Через некоторое время вязкая, ничем не нарушаемая тишина и спокойствие этой долины успокоили и расслабили взвод. И он тоже, как бы подремывая на ходу, нес свою службу никем и ничем не тревожимый.

Рядом с опорным пунктом взвода, недалеко от въезда в поселок, у перекрестка дорог стояла выдавшая виды автобусная остановка. Ею тоже давно не пользовались. Рейсовые автобусы, по всей видимости, забыли сюда дорогу еще с перестроечных времен.

Вокруг облезлых стен этой остановки ветер намел небольшие кучи какого-то мусора, в котором иногда с интересом рылись вечно голодные поселковые собаки. Эти собаки жили какой-то своей отдельной жизнью. Хозяев у них толком-то и не было. Бегали они, где хотели, охотились на мелких грызунов. Ели все то, что удавалось поймать, найти или стащить.

Поначалу они лишь изредка украдкой забредали на ОП (опорный пункт). Бойцы их жалели, подкармливали, и со временем вся свора перебралась поближе к опорному пункту и крутилась вокруг него в вечном ожидании подачки.

Впереди опорного пункта лежало поле, справа высились горы, а позади него раскинулся сад, упиравшийся в поселок.

Все, без исключения, местные называли опорный пункт блок-постом. Это слово в последние несколько лет прочно засело в лексическом запасе местных жителей.

Проезжая мимо, по делам в город, они иногда останавливались на ОП. Выйдут из машины, чинно поздороваются, спокойно поговорят с бойцами. Иногда даже угостят чем-нибудь. А то и произведут какой-нибудь мелкий обмен – без этого на Кавказе не бывает. Заместитель командира взвода даже слышал, как они несколько раз спиртное предлагали. Но спиртное было строго-настрого запрещено лейтенантом.

Меняли бойцы в основном консервы на свежие продукты. А вот контрактники из предыдущей смены меняли патроны на спиртное. За это все подразделение во главе с командиром взвода сняли с ОП и отправили в расположение части, к месту постоянной дислокации. Там особый отдел провел с ними весьма содержательные беседы, закончившиеся для всех по-разному.

Взвод нес службу в нескольких километрах, в отрыве от расположения основных сил батальона, обороняя опорный пункт и ведя наблюдение за прилегающими горами. Своего рода – передовое охранение. Наблюдение вели с постов, оборудованных и замаскированных прямо тут же, на позициях взвода.

Иногда на ОП приезжали разведчики, направленные по распоряжению комбата для проведения разведки чуть выше в горах, за ближайшим хребтом, в соседнем ущелье.

Обо всех изменениях в обстановке следовало докладывать командиру роты. Да только никаких изменений не было. Все шло спокойно, без лишней суеты, как-то тихо и вязко. И оттого казалось, что беспокоиться особо было не о чем.

На посты заступали посменно, согласно графику, установленному командиром взвода. Все, как в карауле. Принял пост – несешь службу. Сменился – отдыхаешь. Если, конечно, лейтенант не придумает от безделья какие-нибудь занятия. А на постах опять же, когда заняться нечем, можно поболтать с соседним постом, плеер втихаря послушать, даже покурить, если

лейтенант не заметит. Но он из блиндажа выходил редко, и поэтому курили на постах, почти не прячась.

После смены со службы, так вообще – «лафа». Лейтенант особо не выпендривался, и поэтому свободного времени было валом. Хочешь, спи, песни пой, да хоть «на голове стой». Мало ли на что свободное время потратить можно? Вот только расположение взвода покидать было запрещено. Это – закон. Поэтому искупаться в речке или поваляться в тени ореховой рощи бойцам оставалось только мечтать.

Зато с питанием – никаких проблем. Продуктов во взводе завались. Как-то раз бойцы, приехав на БТРе с лейтенантом по каким-то делам в штаб полка, видели, как комбат орал на начпрода (начальника продовольственной службы), угрожая ему массой проблем, вплоть до физической расправы за то, что тот попытался выдать в роты паек ниже положенных норм.

Так что теперь на столе бойцов была даже сгущенка, предусмотренная этими нормами, но, как правило, по тем или иным причинам отсутствовавшая в рационе в большинстве подразделений. Не служба – мед.

Погода стояла еще теплая, правда, по ночам уже становилось довольно прохладно. Приходилось даже надевать бушлаты и прятать головы в ушанках. Зато ближе к обеду можно с наслаждением подремать на разогретой солнцем броне БТРа или еще где, грезя о приближающейся «гражданке».

«Гражданка ...», – заместитель командира взвода сладко потянулся, лежа на нарах в прохладном блиндаже. Чем он будет заниматься на «гражданке», он еще не решил, но в мечтах он уже видел себя успешным и счастливым. Он верил, что все это будет.

А как иначе? Родине долг отдал, теперь все пути открыты. Главное, вовремя сориентироваться и ухватиться за удачу (а она обязательно улыбнется), ухватиться и уже больше никогда ее не отпускать.

Он был уверен в себе, он верил, что сможет добиться всего, чего пожелает. Мысленно он уже давно подготовил себя к этому, и теперь, стиснув от нетерпения зубы, ждал скорого окончания службы.

А оно было уже так близко. Но пока он здесь, он обороняет этот, на первый взгляд, никому не нужный, заброшенный в безлюдные горы, забытый Богом и командованием опорный пункт. Но это пока...

Оборону держали, как казалось большинству солдат, да и самому командиру взвода, чисто формально.

«Да и от кого тут обороняться? – с усмешкой думал замкомвзвода, – Незаконные вооруженные формирования черт знает где. И вроде как это «черт знает где» где-то в доброй сотне километров от этого унылого места. И вокруг этого «черт знает где» работают наши разведчики, которые первыми вступят в бой, предупредят основные силы, а те, в свою очередь, пришлют подкрепление. Потом – ещё артиллерию, подключат авиацию. В общем, враг будет разбит.

По крайней мере, так им сказал лейтенант. А он точно знает. Ведь не зря же он каждый день на БТРе к ротному ездит».

Вернее ездил.

У БТРа «стуканул» движок, и он теперь стоял неподвижно на ОП взвода. БТР загнали в выкопанный специально под него окоп, обвесили ящиками с песком. Бруствер окопа обложили дополнительно спереди и с боков мешками, в которые также засыпали песок, а сверху для верности утрамбовали местной глинистой землей.

– Нормально. До замены простоит. Всего-то несколько недель осталось. А там – на буксир и в пункт постоянной дислокации, – удовлетворенно подытожил лейтенант.

Он надеялся на то, что во время смены подразделений из-за недвижимого БТР никто из командования особых разбирательств устраивать не будет. Времени для этого не найдется. Все будут торопиться сдать все сменщикам и рвануть домой. Тут не до БТРа будет.

«А БТР – что? Отбуксируют в часть, поставят на ремонт, а там, как Бог даст. Авось и пронесет», – лейтенант деловито осмотрел окоп и стоящий в нем БТР. Он явно остался доволен первой в своей жизни, оборудованной под его собственным руководством настоящей огневой точкой.

– И не дай Бог, кто-нибудь до замены комбату про движок настучит – жопу порву! – добавил лейтенант и, окинув всех суровым взглядом, ушел в блиндаж.

БТР со сломанным двигателем, в ожидании замены неподвижно устоял в направлении гор стволы своих пулеметов. Водитель был отправлен, от греха, в санчасть. К счастью для взводного, у него внезапно случилось острое пищевое отравление, а попросту – понос.

Почему к счастью? Да ведь если вдруг дадут команду куда-нибудь выехать, тогда как быть? А так, – нет закрепленного за БТРом водителя – ни- кто за руль не сядет.

БТРом теперь занимался один лишь наводчик пулеметов. Точнее, не всем БТРом, а только его вооружением.

Он без конца возился с пулеметами, прицелом и механизмами наведения. Убирал старую смазку с пулеметных лент. Очищал брусстер окопа от растущей на нем травы, чтобы не мешала прицеливанию и наведению пулеметов. Подолгу всматривался через прицел на высящиеся вокруг опорного пункта горы.

«Что он там хотел увидеть? – заместитель командира взвода, или, как его называли бойцы, «Замок», не понимал этих, казалось бы, чрезмерных стараний наводчика. – В принципе, он вроде все правильно делал. Но зачем? Ничего же не происходит и уже вряд ли что-нибудь успеет произойти до их замены».

Так думал замкомвзвода. Так думали, наверное, все на опорном пункте. В это верил даже лейтенант. А наводчик, как казалось замкомвзводу, все гнал и гнал волну, изображая бурную деятельность.

«Выслужиться, что ли хотел?»

Иногда он даже с разрешения лейтенанта ночевал внутри БТРа.

«Странный какой-то тип, этот наводчик», – удивлялся «замок».

После поломки БТРа командир роты стал часто приезжать на ОП.

Лейтенант садился к нему на броню, и они куда-то уезжали. К вечеру лейтенант возвращался и, ни с кем не общаясь, сразу уходил к себе, в отгороженную фанерой каморку в дальнем углу блиндажа.

«Наверное, выпивал с ротным, – подозревали бойцы – не хочет, чтобы мы запах спиртного учуяли. Бойтся, что кто-нибудь комбату об этом «настучит».

Но на командира взвода, конечно же, никто не стучал. Что им до этого. Лейтенант – мужик, незлой, покладистый, зря бойцов не гоняет. А за его выпивки пусть ротный отвечает.

«Ротный тоже нормальный, – подумал про командира роты «замок», – Легко с ним. Спокойный, уверенный. К бойцам не лезет, кажется, вовсе не замечает их. Больше с командирами взводов общается. Да что там, даже в расположении полка, в казарме, его не часто видели. Там взводные и старшина с ними. А ротный все больше в штабе полка околачивался. Он и сам был больше похож на штабного, чем на боевого офицера. Интеллигентный такой, холерный. Разговаривает культурно, вежливо, без мата. Почти все женщины из служб полка и с узла связи искося с интересом посматривали не него, а порой даже пытались «строить ему глазки». Наверное, нравятся им такие сладкие».

Замкомвзвода сладко зевнул размышляя: «Нет, точно, ротный больше на штабного похож. Да и отец его где-то не то в штабе Округа, не то даже в Генеральном Штабе служит».

Влиятельный дядька. Видимо, с большими связями, раз до таких чинов дослужился. Да и сынка своего вперед двигать будет. Это уж точно. Везет ему, всем бы так».

Дремотная нега мягко расслабляла тело, сладко опутывала мозг «замка».

«А вот командиры 5-й и 6-й рот, так те прямо демоны какие-то. Личный состав гоняют, бесконечные занятия проводят, тренировки. Каждый день! А кому они, эти занятия тут нужны? Итоговую проверку, что ли сдавать собрались? А какая тут проверка? До проверки еще – ого-го, а в ротах здесь, в основном старослужащие. Заменятся и тут же на «дембель». На проверку уже и не попадут. Так что стой спокойно на постах до замены, пока есть возможность. Ни «уставщины» тебе, ни строевой, ни учений, ни физподготовки, ни марш-бросков. Так нет же, эти двое великих воинов из себя корчат, – удивлялся «замок», – А зачем?»

Лейтенант дружил с ротным, и этот факт давал ему возможность особо не напрягаться, потому как проверки несения службы сам же командир роты и проводил. И даже бойцы прекрасно видели, что проводились они чисто «для галочки»: ротный с командиром взвода – друзья.

Приедет командир роты, походит по ОП со скучающим видом, чего-то там посмотрит, у кого-то что-то спросит, по тревоге разок поднимет, проверит боевой расчет и всего-то. После этого он по радиостанции докладывал комбату о проведенной проверке и уезжал восвояси, захватив с собой ненадолго командира взвода. – Закомвзвода снова сладко зевнул, – а другие проверяющие почти не приезжали. Да и кому надо ехать черт знает куда, чтобы проверить всего-то один взвод? А если какая неожиданная проверка и приезжала в полк, то ротный сразу ставил в известность лейтенанта, так что у взвода было время навести, так сказать, «марафет» и подготовиться к встрече проверяющих с бравым видом и молодецковой выправкой. Но вот комбат, так только раз в неделю сам заезжал.

Закомвзвода, вспомнив командира батальона, слегка поежился:

«Крутого нрава мужик. Бойцы его боялись уже только за один внешний вид. Силён как бык. Двухпудовые гири на вытянутых руках держит, из пулемета с одной руки стреляет. Видели даже один раз, как он на спор зимой вручную «Урал» «кривым стартером» заводил. А служака еще тот. Дотошный. Ни офицеров, ни солдат не жалел. Никому спуску не давал. Везде залезет, все осмотрит. Пока на ОП сидит, пройдетя по нему не спеша, все проверит, везде залезет. А потом раз по десять взвод по тревоге поднимет. По вводным действовать заставит. До пота, до потери сил. Наорет на всех, в выражениях не стеснясь. Задач наставит, чтобы служба медом не казалась, а потом уедет. И снова тишина...»

Сверху, с опорного пункта, в блиндаж доносились громкие голоса бойцов.

– Братишка, сфотографируй меня на БТРе, как будто я прямо с брони «духов» из пулемета мочу, – крикнул сержант наводчику пулеметов БТР. Он взял в руки ПК (пулемет Калашникова) и стал позировать, изображая из себя стреляющего, придав при этом своему лицу какое-то карикатурно-зверское, но, как ему самому казалось, суровое и решительное выражение.

Наводчик внешне сдержанно, но все же с легкой ироничной ухмылкой стал его фотографировать.

Молчаливый, рассудительный и спокойный, слегка угрюмый парень, с крепкой шеей и сильными руками. У него не было друзей во взводе и жил он как-то особняком. Но при этом никто не осмеливался не оскорбить его и даже просто колко пошутить над ним, как обычно это бывает с замкнутыми и тихими бойцами.

В его замкнутости была какая-то возвышенная отстраненность от тех мелких и непонятных для него проблем, желаний и интересов, царивших среди этих, как казалось ему, совсем еще уж по-детски выглядевших солдат. Они ассоциировались у него с кем-то вроде молодых козлят, с детским задором скачущих друг перед другом, брыкающихся и бодающих друг друга, находясь в восторге от своей забавной игры. Такой забавной игрой казались им и служба, и

эта командировка на Кавказ, и все, что вокруг них происходило. Как в школе на ОБЖ только с настоящими автоматами. Круто!

Но Наводчик не ставил себя выше других, он просто смотрел на них равнодушно и даже отвлеченно, стараясь ребят не замечать.

Лейтенант относился к Наводчику одновременно с уважением и осторожностью. Порой, отдавая тому указания, он уводил взгляд куда-то в сторону, как будто испытывал неловкость за свою, еще такую мальчишескую неопытность перед этим, не по годам взрослым солдатом.

«Замок» тоже втайне завидовал сдержанности и силе Наводчика. Силе не столько физической, сколько какой-то внутренней, непостижимой для «Замка» силе, которой веяло от Наводчика. В глубине души «Замок» даже побаивался его. Но, стараясь успокоить своё страдающее самолюбие, упорно скрывал это от посторонних глаз, а прежде всего от самого себя. Он украдкой пытался найти в Наводчике хоть какой-нибудь изъян, который докажет «Замку» собственное превосходство над ним.

«Кем он был, этот деревенский парень то ли из Воронежской, то ли из Саратовской области, – да какая, к черту, разница, откуда он? – размышлял замкомвзвода. – Ведь он, Наводчик, не получил даже полного среднего образования. Закончил девять классов деревенской школы и дальше учиться не стал – пошел работать. Всё!»

И это была правда – на этом детство для Наводчика закончилось, а юность так и не успела начаться. Вместо неё у него сразу началась взрослая жизнь. Без техникумов-институтов, студенческих вечеринок и дискотек. Без маминых слез и упреков, папиных нравоучений и угроз отпустить служить в Армию. Без всего этого.

Отца у Наводчика не было. Его не стало, когда они с сестрой были еще совсем маленькие. Мать растила его и младшую сестренку одна. Жил он до Армии в глухой, Богом забытой деревне – бывшем колхозе. Ни о каком интернете, ни о спутниковом телевидении, к которым так привык в свое время замкомвзвода, считая их неотъемлемой частью нормальной жизни, в его деревне даже речи не могло быть. Телефоны были только в аптеке, магазине и в кабинете участкового. Да особо они там не и нужны были, эти «интернеты» с телефонами. Не город, не до роскоши. Тут работать надо и в основном руками. С утра допоздна, изо дня в день, и круглый год. На всякие глупости времени не остается.

А город... Да он и не манил Наводчика, город был для него непонятен, далек и чужд. Он сторонился этой бесконечной суеты в серости городских улиц, в вечной погоне за ценностями, непонятными и от этого абсолютно не нужными ему. Его давили эти огромные бетонные монстры, называемые домами.

«Разве это дома? По несколько сотен семей в одном доме. Целая деревня на крохотном кусочке земли. Сверху и снизу, справа и слева, со всех сторон кто-то готовит пищу, разговаривает, ругается, празднует, плачет или смеется, смотрит телевизор, слушает музыку, бренчит на гитаре. И все это делают одновременно! Это же, реально, свихнуться можно. Как там вообще можно жить? Огромное, но в то же время замкнутое пространство. Нет простора, нет воздуха, свободы нет. Душе развернуться негде. Тысячи спешащих куда-то людей, суетящихся, чем-то озабоченных, беспрестанно галдящих по телефонам, и в то же время ничем толком не занимающихся. Когда они работают и чем живут? Непонятно», – так думал о городе Наводчик.

Как-то раз вечером в блиндаже бойцы попросили его рассказать о себе, о том, чем он занимался до Армии. И он с едва сдерживаемым восторгом стал рассказывать о своей жизни в деревне. О работе, о хозяйских делах. Обо всем. Он любил свою деревню, лес, реку.

Он рассказывал о каких-то непонятных и от того неинтересных для замкомвзвода деревенских проблемах и радостях.

Лицо Наводчика было едва различимо в тусклом свете керосиновой лампы. Голос звучал глухо и в то же время как-то успокаивающе мягко.

Замкомвзводу это показалось странным, но он заметил, что все почему-то внимательно слушали Наводчика. Слушали так, как слушают рассказы взрослого дядьки после вечерней рыбалки.

Наводчик был не таким, как все. Он жил как-то отдельно от всех, своей, только ему понятной жизнью, одному лишь ему понятными интересами, не позволяя никому влезать к себе в душу. Он одним взглядом мог дать понять другим, что цеплять его не стоит. Он был сильным, но не агрессивным, был рассудительным и никогда не спорил. Из-за его манеры держаться с окружающими, из-за его стремлений, жизненных ценностей и образа жизни он казался каким-то слишком взрослым, иногда даже старомодным, ну прямо мужиком, крестьянином и от того чужим для замкомвзвода.

Наводчик представлялся ему в грязной рабочей робе, резиновых сапогах, где-то в глухом поле возле трактора. Он представлял, как тот вечером после работы кормит кур, бегающих прямо во дворе, загаженном куриным пометом, а потом ужинает в пропахшей жареным луком деревенской кухне, не снимая сапог. «Замок» даже явственно представил этот запах.

«Ох, и глухомань. Колхоз. Деревня неасфальтированная», – презрительно думал замкомвзвода. И ему казалось, что это хоть как-то возвышало его над Наводчиком.

«Замок» тоже был силен физически, занимался спортом. Но в отличие от Наводчика, до армии он жил в другом мире. В областном центре, а не в какой-нибудь замшелой деревеньке. Он вырос в довольно обеспеченной семье. Будучи единственным ребенком, был заласканным и избалованным. Все внимание его родителей было посвящено исключительно ему. Он посещал всевозможные секции, дополнительно занимался с репетиторами. К окончанию школы был отличником, спортсменом-разрядником, гордостью классной руководительницы, да и всей школы.

Им гордились родители, и они, естественно, отдали его учиться в престижный ВУЗ города. Сколько денег они отдали за его поступление туда? Да, ладно. Это уже не важно. Он даже отучился один курс в институте, правда, за неуспеваемость его оттуда чуть не выгнали.

Отец из-за этого сильно на него разозлился. Но всё же – это единственный сын. Поэтому отец встретился, с кем следует, и с некоторыми для себя финансовыми затруднениями решил вопрос, чтобы «Замка» не отчислили, а предоставили ему академический отпуск. Однако от службы в Армии он «отмазывать» его не стал. Уж больно зол был на него.

И вот теперь «Замок» здесь.

Но ничего, после «дембеля» вполне возможно, что все в его жизни кардинально изменится. Он верил в это, ведь там, на «гражданке», он считался модным и продвинутым. Был авторитетом в своем кругу. Ему казалось, что все вращается вокруг него, что он – в центре всего. Но, черт возьми, в нем не было того крепкого мужского стержня, который был в этом проклятом наводчике, и это жестоко мучило его...

...Фотографировались здесь много и часто. Нравилось это солдатам. Вот и «щелкались» без конца.

«А почему – нет? – сержант оценивающе осматривал альбом, – Надо же запечатлеть на долгую память, как мужественно преодолевались тяготы и лишения воинской службы. Служили-то не где-нибудь, а в зоне контртеррористической операции».

Где-то там, сравнительно не так далеко от того места, где они сейчас стояли, такие же точно подразделения вели бои с бандформированиями, несли потери, кого-то отправляли домой «грузом-200», кого-то представляли к наградам.

Они слышали об этом от своих офицеров, от разведчиков, изредка навещавших их, от своих однополчан из других подразделений. Но никто из них в боевых действиях участия не принимал.

«Ну и что с того? Ведь были же рядом. А значит тоже участники, – размышлял сержант, командир отделения, – Может быть, перед демобилизацией даже нагрудные знаки дадут какие-нибудь. Хотелось бы, чтобы «За Верность Долгу». Красивый такой крест, эмалевый с мечами. Конечно, лучше бы – медаль, но медаль – не за что. В боях-то не участвовали, геройства никакого не проявили. Ну не сложилось, не посчастливилось проявить его. Да и ладно. Зато спокойно свой срок дослужили. Ну, почти дослужили. Осталось совсем немного».

Фотографий собралось много. Дембельский альбом почти собран. Сержант без конца пополнял его новыми фотографиями. И, кажется, в итоге остался доволен им.

«Будет, что дома девчонкам показать. Совсем уже скоро», – Сержант сладко потянулся, громко хрустнув застоявшимися суставами, и, лениво усевшись на броню БТРа спиной к его теплой башне, стал от нечего делать бесцельно смотреть вдаль.

Солнце ласково касалось лица сержанта, сладкие грезы мягкой, теплой волной окутывали его. Он уже почти погрузился в них, как вдруг, словно сквозь туман, через неплотно прикрытые веки он увидел, что откуда-то из-за хребта, с гор, медленной, тягучей каплей стекает какая-то серо-черная масса, оставляя за собой длинный, далеко назад тянущийся след. Он поднял висящий на его груди бинокль и внимательнее взгляделся в эту каплю. Затуманенное сонной негой зрение прояснилось. Серо-черная масса зашевелилась, и он уже отчетливо увидел, что из-за хребта в долину спускаются люди. До них было чуть более километра.

По их внешнему виду было видно, что они явно не «федералы».

– Вот, черт возьми, по ходу «духи» идут, – с удивлением пробурчал сержант, затем встрепенулся и резко крикнул, – Лейтенанта будите!

Он вскочил с брони, влез на башню БТРа и, подняв бинокль, стал вглядываться вдаль.

Длинная колонна боевиков, несших на себе оружие и снаряжение, не спеша, размеренным шагом, двигалась по тропе в сторону поселка. Их было несколько сотен. Некоторые тащили на себе крупнокалиберные пулеметы. В колонне видны были навьюченные чемто лошади. Кто-то ехал верхом. Колонна на ходу слегка колыхалась из стороны в сторону. Шли, видимо, издалека, и люди были уже уставшие. Серые, рыжие, черные, отросшие бороды и волосы делали головы какими-то несоразмерно большими, а лица одинаково бледными, с глубокими темными впадинами глаз.

«Как зомби или вампиры», – промелькнуло в голове у сержанта.

На опорном пункте началась суета.

Наводчик метнулся через десантную дверь к пулеметам, приник к окуляру прицела, внимательно и тревожно наблюдая за колонной боевиков.

Оттого как уверенно они двигались к ОП, ему становилось не по себе. Казалось, ничто не сможет остановить этот спустившийся с гор, вооруженный до зубов темный поток. Солдатам он напоминал огромную стаю хищников, которые, оскалив зубы, ошетилившись шерстью и роняя пену изо рта, тихо крадутся, сжавшись пружиной в готовности к резкому прыжку. Подрагивая всем телом от нетерпения, они медленно, но неудержимо движутся к своей жертве. Еще совсем немного времени, и пружина резко разожметя. В стремительном прыжке они бросятся на свою жертву, разорвут её зубами, раскромсают когтями, уничтожат.

Наводчик приготовился к бою. Он понимал, что бой неизбежен, что придется стрелять. Что стрелять будут и бандиты, что прольется кровь, и возможно даже его кровь.

От этого стало страшно. Холодно засосало под ложечкой. Дыхание перехватило, кисти рук покрылись испариной и слегка подрагивали. Все тело начинал трясти, как в ознобе. Он ждал команды лейтенанта.

Лейтенант, выскочив из блиндажа и протерев заспанные глаза, несколько секунд смотрел на движущуюся с гор колонну. Он понял неизбежность того, что их ждет.

«Вот оно то, что случается на войне. И сейчас это случится с ним. Сейчас ему самому придется столкнуться с противником лицом к лицу. С противником, который в несколько

десятков раз превосходит по численности его подразделение, да и вооружен отменно. А они не ожидали этого и уже верили в то, что этого не произойдет».

«Если будет бой, то взвод обречен», – лейтенант понимал это.

«Что делать? Выйти с бандитами на переговоры? Глупо. Это значит сдать взвод противнику, без боя, это значит просто-напросто отдать себя и своих солдат в руки бандитов. А что потом? Нет, переговоры – это не решение. Остается два варианта – принять бой или отойти. Отойти – значит сохранить жизнь себе и своим подчиненным, но если отойти, то комбат скорее всего не поймет этого. Возможно, сочтет его трусом. Опозорит на весь полк. Да что там полк – на весь округ. А если завязаться боем с противником, то свои услышат шум боя и придут на помощь. А если не успеют? Или все-таки отойти?»

Он колебался, он не знал, что ему предпринять, не мог найти правильное решение. Но он понимал, что нельзя вот так просто стоять и смотреть, что надо что-то делать.

«Сейчас, немедленно! Срочно доложить ротному, а лучше сразу комбату. Но комбат спросит о том, что я сам предпринял. А я пока еще ничего не предпринял. Черт! – мысли метались в голове лейтенанта, он понимал, что необходимо как-то действовать. Но как? И вдруг как будто само собой из него вырвалось: к бою!»

Он рванулся к блиндажу и стал распахивать там спящих после очередной смены бойцов, торопил их, выталкивал из блиндажа, чуть не каждого лично расставлял по позициям.

Дай команду сержантам, пусть они занимаются этим, но – нет. Он делал все сам. Он почему-то не мог им доверить это. Может быть, был не до конца уверен в них?

Бойцы, расхватав оружие, в спешке накинув на себя бронежилеты и каски, расталкивая друг друга, заняли свои позиции, как будто на занятиях с комбатом. Они поначалу даже подумали, что это очередная учебная тревога, а лейтенант просто хочет жути на них нагнать, чтобы шевелились быстрее. Но увидев движущуюся на них колонну, бойцы поняли, что теперь не до шуток. Некоторые все же засомневались: «А может свои?»

Колонна спускалась с гор. Молча, устало, без стрельбы, без криков. Они просто шли. Со стороны можно было бы подумать, что это шла большая группа туристов.

Лейтенант, расставив по позициям бойцов и удостоверившись, что все на местах, решил, что пора доложить о случившемся комбату. Он взглянул в сторону гор. До противника оставалось уже менее километра.

«Не успею. Сначала откроем огонь, а потом доложу, что вступил в бой», – решил он.

Время шло.

Но он все еще никак не решался дать команду на открытие огня, не мог решиться начать этот бой. Что-то удерживало его от этого. Противник приближался. Наконец, лейтенант, глубоко вдохнув, как перед прыжком в холодную воду, чужим диким голосом заорал: «Огонь!» и, прыгнув в ближайший к нему окоп, сам первым выпустил из автомата в сторону «духов» первую, еще несмелую очередь.

«Черт, как же так, прямо перед самой заменой. До дембеля – всего ничего!» – мелькало в головах у бойцов. Не готовы были они к такому повороту событий, совсем не готовы.

«Ведь уже домой почти собрались. Домой! К мамам, папам, подругам, друзьям. Туда, где эта Армия, эта служба, эти горы забылись бы через несколько месяцев, а то и недель», – в груди уныло засосало от этих мыслей.

Но все это сейчас вдруг стало для них нереально далеким. И теперь им уже не хотелось никаких подвигов, никакой славы, ни медалей, ни значков. Ни черта не хотелось! Как же не хотелось им этой войны. Хотелось домой. Так привыкли они к спокойной, размеренной жизни на этом ОП.

«Да какого же хрена! Так было спокойно и вдруг – на тебе!»

Сначала один автомат как бы нехотя, огрызнулся в сторону боевиков, затем другой, третий и уже весь взвод стал длинными очередями поливать огнем двигавшуюся в их сторону

колонну противника. Но стреляли как-то нестройно, как будто не по-настоящему. Почти не целясь, не видя, куда стреляют. Многие попросту не понимали, что нужно делать.

А как тут что-нибудь видеть и понимать, когда это первый в их жизни бой? Даже у лейтенанта. Некоторые попросту смотреть в сторону противника боялись – ведь стреляли они по живым людям. По живым. Это не на полигоне по мишенькам бумажным.

Страшно в человека стрелять. Ох, и страшно же. Ведь это – человек. Для того чтобы стрелять в него, его нужно чувствовать врагом. Не противником, не неприятелем, а именно врагом. Врагом, который угрожает тебе, твоей жизни, твоим близким, который идет убить тебя, убить их. Чувствовать это до такой степени, чтобы дико возненавидеть его всем своим существом, чтобы желать ему смерти, жаждать убить его.

Чувствовали ли они ненависть к этой толпе, пусть даже вооруженных, но незнакомых им людей? Понимали ли они необходимость вступить с ними в бой?

Они не знали этих спустившихся с гор людей. Многие из них не могли даже предположить, какую угрозу могут нести эти люди. Бойцы не чувствовали, не понимали этого. Практически никто из них не чувствовал угрозы для себя лично, а значит, и не испытывал необходимости нести этим людям смерть.

Никто из бойцов не видел и не знал тех преступлений, которые совершались боевиками, но про которые им рассказывали. Не видел, а значит, не до конца понимал, что это враги, что это они несут смерть, и что от них следует защищаться. А значит, придется в них стрелять.

«Как можно убить человека, если не видишь в нем врага? А как будешь жить потом, с чувством, что ты лично лишил кого-то жизни? Вот так просто взял и отобрал ее у человека? Ты ведь не убийца, не маньяк. Ты не можешь совершить убийство!» – некоторые из них боялись даже думать об этом и палили в воздух просто потому, что нужно было стрелять, потому, что лейтенант дал такую команду. Прятали лицо в глину бруствера и палили, куда-то вверх, прямо перед собой, боясь этого боя, но уже с отчаянием осознавая, что бой начался.

Дальность до колонны была большая и стрельба не нанесла никакого урона противнику, казалось, что противник даже не заметил, что по нему стреляют.

Но были и те, кто старался побороть свой страх, свои сомнения и принять этот бой, осмыслить его суть и необратимость. Понять, что сейчас происходит, и кто эти люди, спускающиеся с гор, понять необходимость защитить себя и попытаться дать отпор бандитам. Принять необходимость того, что в бандитов необходимо стрелять, а значит, им придется убивать их. Осознать, что это убийство, возможно, спасет их жизни, а вместе с ними и жизни других людей. И это оправдывает все, что они делают.

Лейтенант бил прицельно. Тщательно выбирал цель. Огорчился, когда промахивался. А когда неожиданно для него первый убитый, а может, раненный им бандит упал, он испугался. Сердце на мгновение сжалось.

«Он убил человека! Теперь он убийца?» – пронеслось у него в мозгу.

Но он понимал, что перед ним враг и продолжал стрелять. Второй, третий, затем еще, еще. Они падали. Он стрелял, а они падали. Он стрелял, а они падали. Совсем как в компьютерной игре. Ему понравилась эта игра в «стрелялки»: «Теперь он – воин, он – герой, он стреляет во врага! И они падают!»

Он когда-то мечтал о подвиге, и теперь ему казалось, что его час наступил, что сейчас ему выпало счастье совершить свой подвиг. И в азарте этой новой для него игры он забыл, что командир взвода – он, что бойцы ждут от него какого-то решения.

Наводчик БТР жал на гашетку КПВТ (крупнокалиберный пулемет Владимиров танковый) и водил стволом по колонне противника, посылая в него очередь за очередью. Пули, ложась перед противником, выбивали из сухой глинистой земли почти метровые светло-коричневые фонтаны. Патронная коробка КПВТ незаметно быстро закончилась. Он вдавил кнопку

спуска спаренного с ним ПКТ (пулемет Калашникова танковый) и продолжал поливать огнем колонну.

Первые ряды бандитов остановились и рассыпались в дорожной пыли. Голова колонны стала рассеиваться, растягиваться в стороны. «Духи» от усталости и неожиданности так опешили из-за явно не кавказского гостеприимства, проявленного бойцами, что сначала даже отвечать огнем не стали, думая, что впереди них серьезные силы «федералов». Но быстро поняв, что против них всего горстка солдат, явно не имевших боевого опыта, ободрились и начали вытягиваться в стороны, стараясь растянуться полукольцом вокруг ОП взвода и плотным огнем с трех сторон добить его.

Шли уверенно, почти не пригибаясь, беспрестанно стреляя из всего, что могло стрелять. Это было для них первое в эту вылазку столкновение с федералами. Боеприпасов было до черта, да и мало кто из них умел и считал необходимым их экономить.

Расстояние между бандитами и бойцами постепенно сокращалось, кольцо вокруг ОП сжималось все плотнее.

Расчет АГС (автоматического гранатомета на станке), суетясь и мешая друг другу, выстреливал одиночные гранаты в сторону противника, видимо, забыв в суматохе поставить флажок переводчика на автоматический огонь. Гранаты сначала попадали в колонну боевиков, но колонна быстро рассыпалась, боевики ушли с простреливаемого участка, и теперь гранаты падали и разрывались, уже не причиняя им никакого вреда.

Бруствер окопа не давал возможности развернуть гранатомет в сторону противника. Первая коробка с гранатами закончилась. Парни растерянно смотрели по сторонам пытаюсь сообразить, что им дальше делать. Подсказать, что и как им необходимо делать, было некому. Даже командовать было некому. Лейтенант был занят дру гим.

Вдруг из соседнего окопа выскочил бритоголовый боец. В руках у него было две «ракушки» с выстрелами к гранатомету. Он, согнувшись, подбежал к расчету АГС, упал на колени и сам стал торопливо менять «ракушку».

– Вытаскиваем гранатомет за бруствер! Духи справа обходят! Из окопа их не достанем! Шевелитесь, суки, быстрее! – заорал на гранатометчиков бритоголовый.

Бойцы расчета сначала опешили, но то, что на них орет их же товарищ, который явно понимает, что необходимо делать, привело их в чувства. Втроем вытащили АГС и запасную коробку за бруствер окопа и, прикрытые им сзади, залегли и быстро установили гранатомет.

Боевики черной цепочкой рассыпались вдоль склона горы, настойчиво стремясь окружить ОП взвода.

– Стреляйте! Стреляйте! – кричал бритоголовый расчету АГС и сам дал очередь из автомата в сторону боевиков.

От его криков и от той решительности, с которой он все делал, расчет встрепенулся, ожил. Короткая очередь вздыбила фонтаны черных разрывов вдоль цепи боевиков, не долетев до них.

– Дальше возьми! – командовал бритоголовый.

Быстро уточнили наводку. Вторая очередь легла прямо в самую цепь боевиков, свалив сразу нескольких из них.

Увидев результат стрельбы, наводчик АГС удовлетворенно заорал во всю глотку, и выпустил по боевикам одной длинной очередью всю коробку. Боевики залегли, боясь продвигаться дальше.

Быстро сменили коробку и продолжили короткими очередями, по две-три гранаты, прижимать боевиков к земле. Закончилась и вторая коробка.

Оба бойца расчета вопросительно взглянули на Бритоголового. Им нужны были боеприпасы, но они боялись отойти от своего пусть и слабого, но все же укрытия.

– Черт! – выругался Бритоголовый, он все понял – Ладно, валяйтесь тут, я пойду.

Он выскочил из-за бруствера и рванул в сторону блиндажа, где были сложены ящики с боеприпасами и коробки с выстрелами к гранатомету. Пробежав всего несколько метров, бритоголовый почувствовал, что земля качнулась у него под ногами, что-то толкнуло его в спину, он споткнулся и упал. Прогремел взрыв, за ним еще один, а затем еще и еще.

Бритоголовый пополз к ближайшему окопу, упал в него и прижался к его стенке. Над ОП противно завывало, и вокруг стало рваться. Осколки со свистом пролетали над головой.

Оказалось что у «духов» были минометы. Именно ими и минами к ним были навьючены лошади. Теперь, развернув минометы, бандиты вели из них яростный обстрел ОП. Безжалостно мстя за тот страх, который им пришлось пережить, понесся первые потери от «федералов». «Разметать их по полю, сравнять с землей!» На позиции опорного пункта посыпались мины.

Вокруг БТРа один за другим загремели разрывы. Пока Наводчик возился с пулеметами, расчет АГС разбросало прямым попаданием.

Он этого не увидел.

Пулеметы БТРа вновь замолчали. Наводчик полез перезаряжать КПВТ. Трос устройства перезарядки пулемета неожиданно порвался. Срывая ногти в кровь, Наводчик голыми руками отвел назад затворную раму КПВТ, поставив ее на боевой взвод. Всё – можно опять стрелять.

Рядом стали рваться уже и кумулятивные гранаты. У бандитов их было в избытке – готовились к этой вылазке долго и качественно. По броне гулками молотками барабанили пули.

Внезапно на Наводчика накатила дикая паника. Страх от того, что он один в этой железной машине, а по ней стреляют со всех сторон. Страх быть убитым, похороненным внутри нее. Каждый близкий разрыв, каждый удар пули или осколка о броню БТРа отдавался в голове Наводчика, заставлял его содрогаться всем телом.

Холодящая грудь тягучая тошнота подобралась к самому его сердцу и комом стала в горле. Согнувшись пополам и втягивая голову в плечи, он пытался спрятаться от этих сотен, беспрестанно бьющих молотков.

Все смешалось в его голове, мысли застывали обрывками, рассудок стал покидать Наводчика. И вдруг где-то в глубине уже уходящего сознания задрожал маленький, одинокий огонек. Он стал приближаться, расти, и постепенно в мозгу Наводчика возникло понимание того, что необходимо побороть накотивший страх и заставить себя заглянуть в прицел.

Вдруг он услышал, что внутри машины кто-то противно, по-щенячьему скулит.

– Кто здесь?

Наводчик на миг оторвался от прицела и оглянулся назад. Он понял, что это он сам, что это именно он воет от страха. И в этот момент он как бы увидел себя со стороны.

«Это – я? Нет, этого не может быть». Что с ним стало? Он уже не похож на себя. Какой-то маленький жалкий человечик, съжившись от ужаса, пытался спрятаться под сиденьем. Еще немного и он начнет мочиться под себя от страха.

«Неужели это я? Стыд какой! Не начну стрелять – хана! Сдохну под «духовскими» пулями в обоссанных штанах, как последнее чмо! – с омерзением и злостью на себя подумал он, – Нужно заставить себя встать и стрелять!»

Он вспомнил, как учил их Комбат: «Если по тебе стреляют, но не попадают – ответь, и тогда не дашь возможности прицелиться в тебя.

Не станешь стрелять – тогда враг прицелится, и ты – покойник».

А он хотел жить, и теперь уже отчетливо понимал, что за это нужно сражаться. И теперь он уже готов был сражаться. За себя. И даже за этих сосунков с его взвода, которые со щенячьим восторгом радовались крутым фото в дембельских альбомах. Даже за них сейчас он готов был сражаться. Он чувствовал и понимал, что он сильнее их, что никто, кроме него, не сможет сделать этого, а он обязан.

Он набрал полную грудь воздуха, сжался и, дико напрягаясь всеми мышцами, заорал.  
– Ааааааааа! Аааааааа!!!

Еще раз и еще. Что есть мочи, до хрипоты. Пальцы до боли впились ногтями в ладони, а он орал. Он гнал от себя свой страх, презирая и ненавидя его. И страх отошел.

Наводчик бросился к механизмам наведения и, прижав глаз к прицелу, попытался рассмотреть противника, сориентироваться, куда нужно было вести огонь. Но разрывы гранат и мин мешали ему это сделать, да и противник уже не шел колонной.

Бандиты рассеялись по полю и ближним склонам гор. Они передвигались, бежали, падали, стреляли, терялись то и дело из виду. Тут не стрельбище – цель не стоит неподвижно. И как теперь в этом хаосе определиться, куда лучше стрелять?

Наводчик стал, почти не целясь, стрелять по передвигающимся боевикам. Водил стволами пулеметов вправо-влево и жал на кнопки спусков, посылая пули куда-то в сторону наступавших бандитов. Попал, не попал, он этого еще не понимал.

Вибрация пулеметов отбойным молотком передавалась всему его телу. Это постепенно привело его в чувства. Кровь разлилась теплом по всем его членам. Мысли стали более четкими.

«Соображалка включилась», – так иногда любил говорить он, позаимствовав это выражение у Комбата. Теперь он уже нашел свое место в бою. Он начал видеть и понимать, что нужно делать: самое главное не подпускать бандитов близко к позициям, выбирать тех, кто вырвался вперед и стрелять по ним. Целиться и стрелять, целиться и стрелять. Должны же они понести потери, испугаться и отойти...

... Не испугались и не отошли.

Потери от огня стрелкового оружия бандиты несли небольшие. Сразу было видно, что противостоят им молодые и неопытные бойцы, а некоторые из них явно трусят. А если трусят, значит, итог боя заранее предрешен.

Чужой страх придает тебе смелости, удесятеряет силы.

Больше всего боевиков беспокоили огонь БТРа и расчета АГС-17, заставивший залечь бандитов. В том числе добрых два десятка навечно. Но расчет АГС уже был уничтожен, а БТР можно было обойти с флангов, а затем уничтожить из гранатометов.

Боевики, уже почти не прячась, с азартом охотников расстреливали опорный пункт, приближаясь к нему все ближе.

Один молодой бандит, захлебываясь от восторга, посылал в сторону окопов очередь за очередью. Он скалился и рычал по-звериному, рвался вперед, как хищник к своей дичи. Азарт этой охоты заглушал теперь все, что не было связано с этой охотой: и боль стертых в переходе через горы ног, и усталость всего тела, несколько суток несшего на себе тяжелый груз, и гадкое ощущение от скользящих внутри ботинок, прокисших от пота и грязи ступней...

... Замкомвзвода, прыгнув в окоп, с удивлением и тревогой уставился взглядом на приближающихся боевиков. Все происходящее вокруг него, казалось ему чем-то нереальным, как будто это происходило не с ним, как будто это было кино и он просто смотрел его. Но это кино уже начало страшить его, он уже не хотел видеть его, но он не мог встать и уйти. Он был частью всего происходящего. И он не хотел этого. Он не был готов к этому.

Еще в «учебке» (учебном подразделении) он понимал, что его готовили к войне, но почему-то был уверен в том, что ему не придется воевать, не придется стрелять в кого-то. Он не мог представить, что в него самого когда-нибудь будут стрелять. Он почему-то был уверен в том, что конкретно с ним никогда ничего подобного не произойдет.

«С кем угодно, но только не с ним».

Он верил, в то, что война пройдет мимо него, где-то в стороне от него, что служба вскоре благополучно закончится, и он вернется домой.

«И она ведь уже почти закончилась. Ведь до «дембеля» оставалось всего-то несколько недель. Не месяцев, а недель, каких-то коротеньких, крохотных неделек! Черт»!

Это казалось ему жуткой несправедливостью. Он и сейчас не хотел поверить в то, что все это происходит в действительности. Он не хотел смириться с этой действительностью. Но он был здесь, и он видел все сам. Видел все, что происходило вокруг него, и уже начал понимать абсолютно все. Даже то, чем, в конце концов, все это закончится.

Человек, который не участвует в действии, но смотрит на него со стороны, имеет возможность более или менее трезво оценить его, и тогда он уже понимает исход этого действия, предвидит его.

«Замок» понимал, что «духов» слишком много и что взводу не устоять. Внутренний голос подсказывал ему, что надо принимать какое-то решение, но он не знал какое. Он не знал, что делать, да и подсказать ему было некому. Лейтенанта не было рядом, замкомвзвода потерял его из виду.

«Но надо же что-то же делать! Нельзя тупо лежать и смотреть!» – он огляделся вокруг себя, увидел, что и как делают другие, и тогда машинально, не контролируя себя, начал делать то же, что делали они.

Опустив лицо ниже бруствера, он стал строчить из автомата длинными очередями куда-то вперед. Не по боевикам, нет. Он не готов был стрелять по живым людям, он не мог заставить себя это сделать. Он нажимал на спусковой крючок и строчил, строчил, пока не закончился магазин.

Над головой что-то просвистело. Сначала где-то высоко, в нескольких метрах над ним. А затем прямо возле его окопа что-то раз за разом стало ударять в бруствер, прямо рядом с ним, рядом с его головой, осыпая голову и плечи сухой глинистой землей. Он сначала не понял, что происходит, но вдруг кто-то из взвода закричал так, как кричат от внезапной и сильной боли. За ним вскрикнул еще кто-то, за ним еще один. «Замок» понял, что по ним стреляют. По-настоящему стреляют.

Он, приподняв голову над бруствером, огляделся по сторонам и увидел, как буквально рядом с ним корчатся от боли несколько бойцов. Он увидел, как из их тел по испачканному глиной камуфляжу тонкими струйками льется кровь. Настоящая человеческая кровь.

Один из бойцов лежал на дне окопа без движения, положив правую щеку на теплую и сухую землю. Он лежал тихо, как будто спал, и глаза его были закрыты.

«Замок» обратил внимание на то, какое у бойца было спокойное лицо.

«А может, он действительно спит?» – вдруг подумал он.

Под правой щекой бойца медленно растекалась алая лужица, и «замка» вдруг перевернуло от неожиданной и пугающей догадки: «Он не спит. Его убили! Он мертв!» И эта мысль вернула «Замка» в реальность.

Вокруг него трещало, свистело, выло и рвалось. В них стреляло несколько сотен человек одновременно. Возможно, что скоро попадут и в него, и тогда будет литься и его кровь. И он также будет лежать, и скрюченными пальцами скрести землю в предсмертной агонии. А потом его тело вдруг замрет. Замрет навсегда и начнет медленно остывать, освободившись от его души. Точно так же как и тела тех, кто уже был убит.

Это страшно испугало его. Ком встал в горле, перехватив дыхание, кровь ударила в голову, сердце бешено застучало. Он еще сильнее вжал лицо в бруствер. Над головой завывало, а потом резким взрывом разорвалось где-то недалеко позади него. Затем завывало еще, и еще раз, раздалось несколько взрывов. Разрывы приблизились вплотную. Ему казалось, что сейчас что-то горячее, тяжелое, металлическое рухнет на него, придавит к земле, а затем рванет красно-черным и его разорвет на части, разбросает окровавленные куски его тела по этому окопу, по этому брустверу. Он присел на дно окопа, накрыл голову руками и попытался молиться. Но мысли бешено скакали в его мозгу, путались, рвались, и он не смог вспомнить ни одной

молитвы. А потом он стал искать взглядом лейтенанта: «Он здесь старший, он должен принять какое-то решение. Он должен увести нас отсюда. Он обязан!»

Лейтенант, расстреляв несколько схваченных впопыхах магазинов, осмотрелся вокруг. В горячке стрельбы он сначала даже не услышал, как боевики стали вести ответный огонь, но разрывы мин и гранат отрезвили его, заставив его оглянуться по сторонам. И теперь картина боя встала перед ним во всех своих ужасных красках.

Вокруг все рвалось и трещало. Расчет АГС в неестественных позах лежал у искореженного взрывом станка. Сорванное со станка тело гранатомета валялось недалеко от бруствера окопа. Вокруг были разбросаны пустые коробки из-под гранат, стреляные гильзы и обрывки лент. Еще несколько человек корчились и стонали там и тут на позициях. Кровь из перебитых осколками артерий и обрубков оторванных конечностей хлестала струями, расплзалась бордовыми пятнами вокруг отверстий пулевых ранений. Некоторые бойцы уже не шевелились.

«Маленькая дырочка от пули или осколка, такая маленькая, прямо как гвоздем укололся, а человек уже не живой. Его уже нет, и никогда уже больше не будет. А если вдруг попадут в меня?» – лейтенанта передернуло от этой мысли.

Мины рвались одна за другой. Пули сотнями шмелей жужжали над головой, со звоном отскакивали от брони БТРа, глухо ударяли в бруствер, в стены окопов, осыпая лицо, грудь, руки сухой глиной.

Опьянение азартом боя, когда чувствуешь себя победителем, резко откатило, и на смену ему пришли неуверенность и страх.

Лейтенант не знал что делать. Этот бой был первый в его такой короткой жизни. И никого не было рядом, кто бы мог подсказать, помочь. А комбат был далеко.

Лейтенант вспомнил о радиостанции и бросился за ней в блиндаж. Но «духи» были уже близко. Они уже начали обходить ОП с флангов. Им по-прежнему еще очень мешал огонь пулеметов БТРа, но все же расстояние между ними и ОП заметно сокращалось. Еще чуть-чуть, и эти бородатые, разъяренные люди сомкнут кольцо, а потом и ворвутся на позиции, и тогда всё – смерть. Неизбежная смерть. Она уже неслась над позициями. Он видел ее, он чувствовал затылком ее холодное дыхание.

Близкий разрыв мины осыпал его комьями земли, осколки просвистели над его головой.

«Бежать! Скорее бежать!» – лейтенант бросился вон из окопа и присел за обратный бруствер траншеи, прячась от пуль.

– Отходим!!! Все за мной!!! – заорал лейтенант каким-то тонким и охрипшим голосом и не узнал сам себя.

Те, кто его услышал, выскочили из окопов и, пригнувшись почти до самой земли, с бледными, испуганными лицами, припорошенными желто-коричневой пылью, с широко раскрытыми глазами поспешили к нему.

– В поселок! Уходим! Местные спрячут! – орал лейтенант. Он почему-то верил в это. – Уходим! Бегом! Быстрее, а то всем хана!

Он считал, что такое решение единственно правильное в этой обстановке. Он не был в этом до конца уверен, но ничего другого ему в голову не приходило. Просто хотелось выжить. Выжить самому и попытаться спасти тех, кто остался от его взвода. Он еще чувствовал ответственность перед ними, он еще ощущал себя их командиром и понимал, что они ждут от него решения. Решения, которое могло бы их спасти. И он его принял. Он стал уводить взвод в поселок.

«Три-четыре сотни метров по открытой местности, затем сад, он укроет, а там уже и до домов недалеко. Местные спрячут, не сдадут», – лейтенант рванул к поселку, увлекая за собой своих солдат.

Выжившие в бою бойцы, догоняя лейтенанта, петляя и пригибаясь, бежали за ним в направлении поселка. Духи били по ним вслед. Пули доставали некоторых из них и они,

как будто споткнувшись, падали в желтую осеннюю траву, заливая ее дымящейся кровью. Остальные изо всех сил продолжали бежать, все дальше удаляясь от опорного пункта, к саду в надежде, что он прикроет их, что поселок спрячет их от врага, что там можно будет найти спасение.

Налитые свинцом, усталые ноги гулко стучали в сухой грунт, дыхание становилось тяжелым. Лейтенант с широко открытым ртом и круглыми от страха глазами мчался вперед: «Быстрее, быстрее». Силы с каждым шагом убывали, тело валилось к земле.

«Все. Наконец», – лейтенант вбежал глубоко под тень деревьев и присел, оглядываясь назад. Запыхавшиеся, оставшиеся в живых бойцы вбегали в гущу сада вслед за ним.

Вдруг один бритоголовый боец упал на землю, развернулся назад, в сторону опорного пункта, изготовился к бою и стал стрелять из автомата по преследовавшим их бандитам.

– Стой! Прекратить стрельбу! Всех нас спалишь, придурок. Прятаться нужно. В поселок! Бегом!

Бойцы взвода затопали ботинками вслед за лейтенантом.

Бритоголовый, не слушая лейтенанта, остался на окраине сада. Он продолжал вести огонь в сторону противника, чтобы хоть как-то задержать его. Он давал возможность остальным уйти подальше. Магазин закончился. Бритоголовый пошарил руками по разгрузочному жилету и, поняв, что все магазины пусты, досадливо сплюнул и помчался догонять лейтенанта с остатками взвода.

На ОП стрелял только БТР, все еще сдерживая продвижение противника, не давая ему приблизиться к себе...

...Пулеметы замолчали. Опять закончилась коробка. Наводчик полез за очередной. «Быстрее, быстрее! Надо стрелять! Стрелять!» – подгонял он сам себя. Он метнулся в десантное отделение и, схватив коробки с патронами, стал торопясь перезаряжать пулеметы. «Быстрее, быстрее», – стучало у него в голове.

Быстро вставил ленту в приемник КПВТ, он взвел сбитыми в кровь пальцами пулемет. Схватился за механизмы наведения и опять – огонь, огонь по атакующему противнику. Страх уже не было. Он выполнял работу. Он умел хорошо выполнять любую работу. И эту работу он делал превосходно. Размеренно, по-деловому, с пониманием, что и как необходимо делать. Появился азарт. Цель он уж видел. Стрелял, четко прицеливаясь, практически не мазал. Экономно расходовал патроны. И это давало свой результат.

Прямо перед БТРом духи уже не атаквали. То ли залегли, то ли он уничтожил их, но перед фронтом его позиции передвижения боевиков в сторону опорного пункта уже не было. Он повел башней вправо-влево и увидел, что «духи» обходят его с флангов. Он рассмеялся тому, что увидел. Это был смех человека, уверенного в своей силе, в своей правде. Даже что-то зловещее сквозило в этом смехе. Он был уверен в себе, как никогда до этого.

«Обойти решили? Ну, нет, гады, и вас достану, и вы ляжете!» – кричал Наводчик, входя в раж, и продолжал поливать огнем из пулеметов группы пытавшихся его окружить бандитов.

Липкий, холодный пот страха уже давно обсох на его лице. Теперь уже азарт боя овладел им полностью, разогрел его, отрезвил. С разгоряченного лба капли горячего пота стекали по мокрому налобнику прицела, заливая скулы, стекая на губы; он смахивал их не замечая. Он был занят боем. Он делал свое дело и видел результат своей работы.

Думал ли он сейчас, что его могут убить? Скорее всего, нет. Если ты в бою не поддаешься панике, если победил свой страх, то в запале боя думаешь только о бое, только о том, что и как правильнее сделать. Другим мыслям нет места, и нет уже времени думать о чем-то другом. Только ты и враг, только – бой. Иначе не победить.

Наводчик хотел победить. Сильные духом всегда стремятся к победе. «Сейчас бы помощника, чтобы самому не бегать, чтобы сразу коробки с патронами подавал, время так экономится», – промелькнуло в его мозгу.

Но он был один. Он даже не подозревал, что он один не только в БТРе. Он уже давно остался один на один с толпами наступающих бандитов. Один на всем ОП. Наводчик сделал еще несколько очередей, и пулеметы опять смолкли. Он рванулся за следующей коробкой.

Кумулятивная граната прилетела откуда-то справа, ворвалась внутрь машины через открытый боковой десантный люк и, страшно ударив Наводчика в спину, разорвалась, разметав его тело по всему десантному отделению. БТР содрогнулся, подскочил на месте и затих, окутанный черным дымом, похоронив внутри себя своего последнего и единственного защитника.

На ОП больше никого не осталось. Всё. Всего несколько минут боя...

...Душа Наводчика взмыла вверх над БТРОм, поднялась над уничтоженным опорным пунктом, над полем, над горами.

Что увидела она оттуда, с высоты? Увидела ли она, что никого из взвода уже нет на позициях. А те, кто остались, – мертвы. Что бы подумал Наводчик, если бы он знал, что остался один на этом ОП, что все остальные уже бросили позиции, оставив его один на один с несколькими сотнями рвущихся к опорному пункту боевиков? Как бы он тогда себя повел?

Никто никогда этого не узнает.

Он вел себя как солдат до самого конца. Он боялся. В самом начале боя он чуть было не поддался страху, но как мужчина, как солдат он поборол его. Отогнал его от себя. Не дал ему овладеть собой, сломить себя, сделать из себя безвольное существо, размазать разум, смягчить мозг. Он превозмог страх, он сумел сделать это. Желание жить и понимание необходимости борьбы за свою жизнь породили в нем ярость. И эта ярость победила страх. И тогда он сам стал вселять страх. Он сам стал страхом для своих врагов. И пусть он продержался всего несколько минут, но те, кто шел его убить, запомнят эти минуты надолго. Они никогда не забудут этот БТР, весь окутанный дымом от разрывов, но продолжающий поливать их свинцом, заставляющий их чуть ли не зарываться в землю от страха. Этот страшный в своем диком отчаянии БТР, поливающий их огнем, несмотря на то, что вокруг него десятками рвались гранаты и мины, а в броню безостановочно лупили пули, оставляя на ней глубокие, как шрамы, воняющие сгоревшим магнием белесые борозды. Наводчик не прекращал вести огонь, несмотря ни на что, он продолжал сражаться, пока смерть не остановила его. Но он не был побежден. Потому что не был сломлен.

Лейтенант потерялся во времени, он уже не ощущал его. Страх растягивает время, и от этого мгновения кажутся часами, минуты – вечностью. Ему показалась, что прошла целая вечность, пока он с оставшимися бойцами, пригибаясь от пуль бандитов, петлял между старыми фруктовыми деревьями, путаясь ногами в высокой сухой траве, в надежде прорваться к поселку. На бегу они сбрасывали с себя мешающие бронежилеты, каски, а кое-кто и оружие.

«Главное выжить! Сбежать подальше от этого кошмара, а потом пусть увольняют, судят, главное остаться в живых»!

«Вот и поселок», – лейтенант судорожно вздохнул. Пробежав несколько улиц, бойцы свернули в первый попавшийся переулок и вбежали в чей-то двор.

Пряная, казалось бы, вечная тишина, сладко и вязко окутывавшая долину, спящую теплым послеобеденным сном, неожиданно взорвалась грохотом боя. Все ее обитатели тут же проснулись, вскочили на ноги, засуетились, забегали.

Местные жители, услышав стрельбу, ринулись на площадь в центре поселка. Испуганные шумом боя, люди хотели разобраться в происходящем, принять какое-то решение. Через несколько минут возле мечети собрался почти весь поселок. Они столпились вокруг старейшины села, нетерпеливо ожидая от него разъяснений и указаний. У некоторых в руках было оружие.

Старейшина что-то живо им говорил, указывая руками то в сторону блок-поста, на котором шел бой, то в сторону гор. Через некоторое время несколько человек, вооруженные охотничьими ружьями и карабинами, отделились от всех и бегом побежали к реке.

Перейдя ее вброд, они скрылись в ореховой роще.

Кое-кто из жителей, в основном женщины, еще некоторое время продолжал оставаться возле мечети, с тревогой вслушиваясь в шум боя. Каждый в такой ситуации старался держаться поближе к другим, боясь оказаться в одиночку. Но как только над их головами просвистели пули, они стремглав помчались к своим дворам. Там с опасливым интересом, несмело высунув головы из-за заборов, готовые в любой момент сбежать и спрятаться, они продолжали наблюдать за происходящим.

Когда остатки уничтоженного взвода во главе со своим лейтенантом в ободранной одежде, забрызганные своей и чужой кровью, с лицами, покрытыми копотью и пылью, вбежали на центральную улицу поселка, местные и вовсе спрятались в своих домах.

Только теперь, стоя в чьем-то дворе под сенью старых скрюченных абрикосовых деревьев, лейтенант оглянулся и внимательно осмотрел своих бойцов. Вместе с ним было всего восемь человек. Всего восемь от целого взвода. Остальные остались на позициях.

Выстрелы практически стихли. Раздавались лишь редкие автоматные очереди. Видимо, потеряв из виду бойцов, скрывшихся в старом саду, боевики перестали стрелять им вслед. Они занялись тем, что стали добивать раненых солдат, оставшихся на позициях, вымещая на них всю злобу за понесенные ими потери, за то, что небольшой группе федералов все же удалось от них уйти, за то, что, несмотря на уверенность в своих силах, им всем пришлось испытать страх.

Обманчивое чувство того, что им посчастливилось оторваться от бандитов, расслабило лейтенанта. Успокаивая тяжелое дыхание и начав постепенно отходить от нечеловеческого напряжения, он почувствовал, как от бега дрожат уставшие ноги, как жутко горят в груди вспаленные тяжелым бегом легкие.

Пот струился по спине, по груди, заливал глаза. Силы, казалось, иссякли. Лейтенант в изнеможении присел, прислонившись спиной к нагретой солнцем стене дома.

Бойцы в изнеможении попадали кто куда. Глубоко дыша и надсадно кашляя, они переводили дыхание. Деревья над ними слегка шевелили ветвями, солнце пробивалось сквозь еще не осыпавшуюся желтеющую листву и мягко согревало сухую землю двора, на которой, распластавшись, лежали бойцы. Тишина. Только две курицы, испуганные стрельбой, забились в небольшую яму под забором и о чем-то осторожно кудахтали.

Кроме бойцов и лейтенанта, людей вокруг, казалось, и не было вовсе. Здесь, в этом тенистом дворе, все выглядело таким спокойным и безопасным, что никуда не хотелось уходить.

Лейтенант медленно поднялся и устало пошел осматривать двор. Двор неухоженный, замусоренный и местами поросший каким-то кустарником. Как будто сюда давным-давно не ступала нога человека. Дом был пустой, пропахший сыростью, видимо, хозяева покинули его много лет назад. Сбоку от дома был виден вход в погреб, спрятанный порослью старого необрезанного винограда.

– Прячемся в погреб. Быстро. Не найдут, не должны. Только бы местные не сдали. Авось пронесет.

Все сбежали в глубокий и темный погреб. Лейтенант осветил его зажигалкой. Погреб был заставлен какими-то пустыми бочками, деревянными ящиками, завален старыми, наполовину истлевшими мешками. Он был темным и настолько большим, что бойцы, рассевшись в нем, даже не видели друг друга. Их разгоряченные тела окутал сырой холод погреба. После бега кашель раздирает грудь и горло, но они старались не кашлять, чтобы не выдать себя, судорожно прикрывая рты ладонями. В темноте погреба в полной тишине лишь блестели белки нескольких пар глаз.

Тяжелые мысли грызли мозг лейтенанта: «Кто поможет, услыша ли шум боя в дивизии, придут ли на помощь и когда? И опять же, что им делать дальше?»

Лейтенант судорожно вздохнул: «Досидеть бы до ночи, а потом попытаться тихо выйти из поселка и прорваться к своим, к комбату».

Он сидел прямо на полу погреба, прижавшись мокрой от пота спиной к прохладной стене. Он уже понимал, что, находясь в этом подвале, ничего не сможет предпринять, что это он сам захлопнул мышеловку за собой и за оставшимися от его взвода бойцами, что уже было поздно что-либо менять, и что теперь остается лишь надеяться на везение.

«Какой же я идиот», – произнес лейтенант шепотом и сокрушенно покачал головой. В темноте подвала этого никто не заметил.

Все, что можно было теперь сделать, это только ждать. Сидеть тихо в этом сыром и прохладном подвале и ждать.

Бойцы затихли, теперь уже даже дыхания их не было слышно. Лейтенант вспоминал обо всем, что с ними произошло.

Лишь сейчас до него стало доходить то, как по-мальчишески глупо и неосмотрительно поступил он, кинувшись в окоп, словно обычный боец, вместо того, чтобы сразу доложить о случившемся и выслушать указания Комбата. Пусть с руганью, с матом, даже с оскорблениями, но выслушать и сделать так, как скажет Комбат. Выполнить его указания, и тогда, возможно, все бы закончилось по-другому. Но ничего уже нельзя было изменить. Что свершилось, то свершилось.

«Господи, только бы просидеть до ночи. Только бы не нашли», – лейтенант затих в ожидании. От неуверенности и накатывающего страха его уже начало слегка трясти.

Из темноты погреба, послышался голос одного из бойцов:

– Зря сюда влезли. Как в могиле. Что делать будем, если найдут, как выпутываться?

Лейтенант присмотрелся и разглядел того, кто это произнес.

Это был бритоголовый боец. Его прислали во взвод недавно, вместо отправленного в санчасть водителя БТРа. Бритоголовый почему-то не нравился лейтенанту. Лейтенант и сам не мог понять, почему? Этот боец с первого своего появления во взводе показался ему не таким, как все его солдаты. Он чем-то напоминал лейтенанту наводчика БТРа и, наверное, поэтому Бритоголовый как-то сразу нашел с ним общий язык. Держался Бритоголовый во взводе гордо, иной раз даже вызывающе. Бойцы взвода сторонились его. Он был для них каким-то другим, не совсем понятный. Невысокий, но сильный и дерзкий чрезмерно. Всегда сжатый, как пружина, и готовый в любой момент взорваться, дать отпор любому, с кем угодно сцепиться. Но он хорошо знал службу и был неплохо подготовлен, поэтому нареканий к нему со стороны лейтенанта не было.

Вечерами Бритоголовый часто беседовал с Наводчиком. И лейтенант не первый раз убеждался в том, что у этих двоих было что-то общее. Наверное, их роднила непохожесть на остальных бойцов взвода, свойственная лишь им взрослая рассудительность и какая-то внутренняя по-настоящему мужская сила.

Лейтенант слышал от Бритоголового, что тот хочет перевестись в спецназ и остаться служить по контракту. Кажется, этот боец был из 5-й роты. Или 6-ой? «Да какая теперь, к черту, разница. Дождаться бы ночи», – лейтенант досадливо сплюнул.

Наверху во дворе вдруг послышались чьи-то голоса, шум и топот десятка пар ног.

У лейтенанта сжалось сердце. Страх быть найденными заставил всех затаиться. Лейтенант в густой темноте заметил, как от страха побледнели и вытянулись лица сидевших рядом с ним бойцов. Округлившиеся глаза блестели. Широко раскрытые рты судорожно вдыхали воздух.

Сидевший в одной майке боец вдруг громко икнул от страха. Бритоголовый крепко прикрыл его рот широкой с короткими пальцами ладонью и злобно зашипел на него. Все резко затихли.

«Только бы не нашли», – лейтенант весь сжался в тревожном ожидании.

Нашли. Долго не искали. Увидев ворвавшихся в ее двор бородатых вооруженных людей, с разгоряченными боем страшными лицами, одна из женщин, еще совсем не старая, насмерть перепуганная шумом боя, по глазам вошедших поняла, кого они искали. Трясушейся от страха рукой она махнула боевикам в сторону соседского погреба, и тут же убежала, укрывшись в тени чахлого виноградника, растущего перед крыльцом ее дома. Она, боязливо прикрыв рот ладонью, с круглыми от испуга глазами украдкой стала наблюдать со стороны за происходящим.

Женщины из соседних домов, с опаской поглядывая через забор на бородатых боевиков, тоже начали потихоньку подтягиваться ко двору, где скрывались солдаты с лейтенантом. Держась на безопасном расстоянии, вытянув шеи, чтобы лучше видеть через забор, принялись наблюдать за тем, что же будет дальше, готовые сорваться в любой момент с места и унести прочь,

Такое уж существо – женщина, до всего ей есть дело. Даже до того, что ее не касается. Все ей интересно, все нужно увидеть, услышать, чтобы потом было о чем поговорить. До всего она проявляет свой женский интерес. Даже смертельная опасность происходящего не может потушить его.

– Эй, воины, выходите, не бойтесь. Стрелять не будем.

Бандиты явно издевались над попавшими в западню бойцами, но все же пока еще мирно предлагали им выйти из погреба. Сами они туда лезть боялись – мало ли чего. А вдруг из этой темной ямы бойцы начнут отстреливаться.

Из подвала черным глазом смотрела тишина и неизвестность.

– Выходите, а то гранатами закидаем! – прозвучала угроза.

Лейтенант заколебался.

«А может, действительно сдаться? Нет, нельзя. Станут мстить за убитых и раненых – расстреляют всех на хрен. Хотя убитыми и ранеными боевики скорее всего потеряли не так много, ведь большинство солдат от неожиданности и страха стреляли почти не целясь. Вот только наводчик БТРа и этот, бритоголовый с расчетом АГС, они урон боевикам нанесли. Но расчет АГС погиб под минами, да и наводчик БТР, вероятнее всего, уже тоже убит, – размышлял лейтенант. – Может действительно не убьют? Может сдаться? А то ведь, правда, гранатами закидают».

Кажется, это он уже произнес вслух.

– Нет, не выйдем, – прошипел бритоголовый боец и рванулся к выходу из погреба, как бы заслоняя его собой, – Сюда войти побоятся – мы стрелять начнем. А если гранату к нам бросят, то можно эту гранату им назад выкинуть. Он обвел взглядом сидящих вдоль стены погреба бойцов, неуверенно и с опаской глядящих на него.

– Ну, а если не успеем, то можно мой «броник» накинуть сверху на гранату.

Он один из всех не сбросил свой бронешлем.

– Ты, умник, выкидывать гранаты будешь, или может сам на «броник» ляжешь? – спросил кто-то из бойцов.

– Да хоть и сам! – ответил Бритоголовый и сплюнул сквозь зубы – Не сдаваться же им. Позорно ведь как! Облажались как лохи, как чмыри последние! Уууй!

Бритоголовый сжал кулаки и в бессильной злобе ударил затылком о земляную стену погреба.

– А может, попробуем прорваться, а? Может, получится? Рванем наверх. Там огонь во все стороны и бегом к горам, а? А не хотите, так я сам сейчас.

Он схватил чей-то автомат и резко рванулся к лестнице из подвала. Лейтенант прыгнул ему наперерез и крепко ухватил за руку.

– Сиди на месте, герой. «Получится у него». Из-за тебя, дурака, всех перебьют.

Бритоголовый с ненавистью посмотрел на лейтенанта, но все же сел в угол и замолчал.

«Уроды сопливые – думал он – это же надо так встрять. И командир тоже хорош – завел в самую, что ни на есть задницу. А выход отсюда только один, и тот через «духов». Эх. Если бы эти не трусили, выскочили бы все наверх и молотить, молотить из автоматов во все стороны, и бегом к горам. Вот «душары» тогда охренеют. От неожиданности и страха, может, и в ответ сразу стрелять не станут. Может, кому и удастся вырвется из поселка. До гор бы добежать, а там и к нашим недалеко. Да и в горах укрыться есть где, не то, что в этом гребаном поселке. Но с этими ни черта не выйдет, – Бритоголовый зло глянул на своих товарищей и презрительно сплюнул под ноги, – Детишки мамкины».

Он уже пожалел, что бежал вместе с лейтенантом в поселок, что не ушел сам в горы. Но лейтенант дал команду отходить, а на службе Бритоголовый привык команды выполнять.

«Нет, все же не надо было «летёху» слушать. Можно было бы попробовать самому. Не бежать со взводом, бросить их всех на хрен и в горы прорываться. Может, успел бы до вершины хребта добежать, пока духи подойдут. Жаль только, что все патроны расстрелял», – с досадой думал он.

Бритоголовый, пока служил в другой роте, несколько раз был по ту сторону хребта и видел, что там, в соседнем ущелье, начинается лес, который тянулся на несколько километров. Об этом лесе он и подумал сейчас. В нем можно было спрятаться и отсидеться до темноты. А по темноте уйти к своим. «Но что же решит лейтенант?» – Бритоголовый с надеждой уставился в сторону лейтенанта. Опустив голову и играя от злости желваками на лице, он стал ждать его решения. Он все еще надеялся на то, что лейтенант все же осмелится дать команду атаковать духов и вырваться из поселка. Все еще надеялся.

– Ну что, пацаны, сдадимся? Авось не убьют. Пообещали ведь? – криво улыбаясь от неуверенности, лейтенант как-то совсем уж панибратски обратился к бойцам, – или, может, попытаемся прорваться?

Жить хотелось всем. Никто не хотел погибать под гранатами боевиков, но никто сам не решался и на прорыв. Страх потерять жизнь сделал свое дело. Они могли бы послушать Бритоголового и попытаться прорваться. Они даже в глубине души понимали, что это был их единственный шанс. Но они прекрасно осознавали и фатальность этого шага. Скорее всего, все они погибли бы в этой последней попытке вырваться. Хотя, может быть, кому-нибудь и повезло. Но никто не был уверен, что повезет именно ему. И никто не хотел умирать первым.

Было страшно. Страшно представить, что их ждет, страшно сидеть и чего-то ждать, страшно на что-либо решиться. Все ожидали команды лейтенанта, все верили ему и отдали ему право решать свою судьбу.

А он был почти такой же, как и его бойцы, – молодой и еще не видевший жизни. Он так же, как и все они, не мог принять решения. Он боялся рисковать. Он боялся умереть, но больше всего он боялся послать на смерть их и поэтому посчитал, что будет правильнее искать выход всем вместе.

«Пусть выбор делает большинство. И он поддержит его, даже если это будет решение атаковать бандитов», – лейтенант, как и Бритоголовый, в тайне все же надеялся на это.

Но всем хотелось жить, и всем казалось, что именно эту возможность им предлагают бандиты. По крайней мере, всем им хотелось в это верить.

Страх делает человека безвольным, и никто уже не в силах был решиться на риск.

«Будь, что будет».

Все, как по команде, посмотрели на Бритоголового. Посмотрели как-то нехорошо, с едва скрываемой злобой, как будто он мог забрать у них эту возможность. И он, угрюмо понурился, бритую голову, волей-неволей смирился с решением большинства.

Оставшееся оружие и боеприпасы были брошены в погреб. Выходили без оружия. Лейтенант пошел первым. Выходили по одному. Последним, матерясь сквозь зубы, шел Бритоголовый.

– Всё парни, сдаемся, сдаемся, – обратился лейтенант к стоящим вокруг погреба боевикам, поднимая руки вверх и криво, с надеждой улыбнулся. Но тут же осекся и опустил вниз глаза, стесняясь этого позорного всплеска малодушия.

– Ты командир? – спросил его один из бандитов, разглядывая звездочки на его погонах.

– Я, – чуть запнувшись, ответил лейтенант и поднял глаза на спросившего.

Он хотел разглядеть в глазах задавшего этот вопрос бандита что-нибудь, что подскажет ему их судьбу. Глаза смотрели жестко, не оставляя никакой надежды. Лейтенант все понял и уже не был уверен, что их оставят в живых, но все же еще надеялся на это. Надеялся.

Зря. Длинная очередь из автомата сбила его с ног и свалила на землю, прямо под ноги стоящих бойцов. Вторая очередь, выбив из камуфляжа пыль, от плеча к бедру наискось, прочертила полосу на выгибающемся на земле теле и успокоила лейтенанта навсегда. Агонии не было.

Бандиты все сделали грамотно. Командир, он даже в плену командир. Уже одно только его присутствие вселяет хоть какую-то веру в него, хоть какую-то надежду, не дает упасть духом, волей-неволей заставляет собраться. А когда нет командира – все, нет подразделения. Каждый сам по себе. И каждый боится в одиночку. А когда боится каждый, то это многократно увеличивает силу страха, и он уже становится не страхом одного бойца, а всеобщей паникой подразделения. Паника зомбирует, лишает сил, мыслей, рассудка, возможности к сопротивлению. Она делает человека управляемым.

Это и нужно было бандитам.

Увидев, как убили лейтенанта, женщина в цветастом халате, прикрыв лицо обеими ладонями, пригнувшись, как будто прячась от удара, бросилась за дом, и там, упав под старым абрикосом, затряс лась в рыданиях. Ее соседки, наблюдавшие за происходящим из-за забора, как перепуганные галки, разбежались кто куда. Боевики решили, что хозяйка дома испугалась стрельбы. Один из них, тот, который стрелял, высокий, с черной бородой, подошел к ней и стал ее успокаивать. Стоявшие рядом с ним бандиты, кивая головами, поддерживали бородатого. Они старались казаться спокойными и уверенными, но голоса их слегка подрагивали и вели они себя заметно нервно. Ведь для них самих картина расстрела была неожиданной, невиданной ими доселе, а потому неестественной и пугающей.

Но женщина не слышала их. Не стрельба так испугала ее, и не страшный вид этих бородатых людей, и даже не то, что они находились в ее дворе, бряцая оружием, суетясь и горланя. Сейчас это уже ее не страшило. Они не знали, что сердце ее и душу рвало сейчас на части осознание того, что именно она стала невольной виновницей убийства этого молодого лейтенанта. Это она показала им, где он прячется. Это из-за нее его убили. И теперь она не могла себе этого простить.

И не только в гибели лейтенанта винила она себя. Она была матерью, и не кто иной, как она понимала, что для любой матери потеря ребенка – великое горе. И сейчас виной чьему-то горю стала она. Она нанесла рану в сердце матери убитого лейтенанта, и эта рана не заживет уже никогда.

Стоящие до этого в одну шеренгу бойцы теперь испуганно сбились в кучу, плотнее прижавшись друг к другу, и замерли. Все старались смотреть куда угодно, лишь бы не видеть тело убитого лейтенанта.

Еще несколько мгновений назад он был их командиром. А сейчас он лежал мертвый, истекающий кровью. Бледное, по-детски маленькое лицо, разбросанные в стороны худые ноги в широких, испачканных пылью штанах, скрюченные кисти рук. Он выглядел таким жалким и несчастным, что от жалости к нему и, наверное, от жалости к самому себе, глядя на него, «Замок» расплакался. Он плакал тихо, почти беззвучно, как ребенок, трясся подбородком. Слезы текли по его лицу, капали на грудь. Он даже не вытирал их. Может, не замечал их, может, стыдился их, а может, просто боялся пошевелиться.

Никто из бойцов не смел пошевелиться. Неожиданное и молниеносное убийство их командира ввело всех в ступор. Нервно подрагивая коленями, опустив вниз головы, они как будто чувствовали на себе какую-то вину.

Какую? И что теперь будет с остальными? Убьют или оставят в живых? Умирать не хотелось никому. А вид смерти и страх перед ней уже начинал их парализовывать.

Боевики ликовали, они явно радовались так легко доставшейся победе. Ведь даже не пришлось решать, кому из них придется лезть в подвал, рискуя жизнью. Бойцы могли не сдаться и открыть по ним огонь. Они могли даже решиться подорвать себя гранатами. Ведь многие из них часто именно так и делали.

Что тогда? Залезть в этот погреб и сдохнуть там под пулями «федералов»? Этого делать никому из боевиков явно не хотелось. А так все случилось быстро и легко. Никто из бандитов не ожидал такого исхода.

«Да здравствует слабый дух врага!»

Бритоголовый сжал челюсти и, не отводя глаз, смотрел на убитого лейтенанта. Желваки бешено бегали по его скулам: «Дурак, лейтенант. Нельзя было им верить. Теперь всех убьют, – он сквозь прищур глаз с пренебрежением и сожалением обвел взглядом своих товарищей – сопляки!»

Испуганный, задрожавший вид бойцов бесил его. Он ненавидел себя за то, что поддался их решению. Он уже ненавидел их всех за это решение.

«Нет! – Бритоголовый, упрямо выставил вперед челюсть и, оскалившись, посмотрел на хохочущих боевиков – Я убегу от них. Все равно убегу. Выберу подходящий момент и сделаю это».

– Не ссыте, вас стрелять не будем, – ржали «духи», видя ужас в глазах бойцов.

Но бойцы боялись. Их страх удесят�ерялся от неведения того, как теперь с ними поступят те, в кого они какой-то час назад стреляли. Так, как с лейтенантом или как-то иначе? Они стояли молча, обреченно, практически без надежды. Стояли и смотрели на тех, кто отныне решал их судьбу.

Двое бандитов схватили мертвое тело лейтенанта за ноги и поволокли его куда-то по улице. Его руки раскинулись широко в стороны и скребли скрюченными, грязными пальцами по земле, как будто пытались вцепиться в нее, как будто не желали оказаться там, куда его тащили. Мертвая голова лейтенанта болталась из стороны в сторону, билась затылком, словно в отчаянии, о твердую, утоптанную землю поселковой улицы.

Это забавляло бандитов, они постоянно оглядывались назад на тело лейтенанта и весело ржали, волоча его из поселка. Вслед за ними по сухой глинистой земле тянулся долгий кровавый след.

Оставшихся без командира бойцов тоже вывели из поселка и построили рядом с автобусной остановкой.

На ее кирпичной стене сквозь обсыпавшуюся старую штукатурку едва различался нарисованный на фоне гор лихой усатый джигит на коне, в папахе, бурке и с кинжалом. Никто из бойцов раньше не заходил сюда, никто из них не видел эту стену вблизи, и, чтобы хоть как-то отвлечься от происходящего, они стали ее разглядывать.

Живые, ненарисованные «джигиты» окружали бойцов. Они стояли в нескольких шагах от них, что-то наперебой говорящие друг другу и как-то по-хитрому поглядывающие на бойцов. Они явно обсуждали что-то очень забавное, так как почти каждая брошенная кем-то фраза вызывала взрыв хохота остальных.

«Над нами ржут», – думали бойцы.

Бандиты с интересом рассматривали их, хитро и недобро скалясь сквозь обильно отросшие в горах бороды.

Все они были в хорошей иностранной форме, в новой обуви, в каких-то крутых разгрузочных жилетах. У бойцов таких не было. Даже у своих офицеров они не видели подобной экипировки.

Сквозь толпу глазающих на бойцов джигитов протиснулся высокий бородач.

Он подошел к бойцам. Посмотрел на них, молча и как-то по-звериному оскалился. Постояв возле бойцов некоторое время, о чем-то думая, он что-то объяснил «джигитам». Бойцы не расслышали, что именно он говорил.

«Джигиты» после слов бородача зашумели, заулыбались, словно обрадовались какому-то радостному известию. А затем схватили бойцов и поволокли их в сторону.

Сопrotивляться никто и не думал. Будь что будет. А как тут сопротивляться, если вокруг несколько сотен до зубов вооруженных боевиков? «Сразу не убили. Может и вовсе убивать не станут», – кое у кого эта мысль породила несмелую надежду остаться в живых.

Бойцов сбили с ног и положили лицом вниз на землю. Уложили всех ровно, в одну шеренгу, как в строю, головой в одну сторону. В сторону Мекки. Разве могли догадаться бойцы, что это значило для них?

...Осеннее небо висело низко, ниже гор, казалось, прямо над дрожащей спиной. Мокрая от пота майка прилипла к ней, и от этого еще сильнее знобило. От неба уже веяло сыростью и прохладой, но земля была еще теплой и ласковой, и от этого она казалась была такой родной и желанной, прямо как мамина постель в детстве. И как мама в детстве, земля сейчас представлялась единственным укрытием и спасением. Хотелось зарыться в её тепло, накрыться ею с головой, как одеялом, и затаиться. Спрятаться от всего страшного, неизвестного и поэтому ещё более пугающего, от всего того, что происходит сейчас вокруг. От этого кошмара, лежащего тяжелым леденящим камнем в солнечном сплетении, холода, который вязко разлился по груди, животу, плечам и заставлял дрожать все тело. Колени, локти, кисти рук мелко тряслись, стучали о землю и, как ни старайся, их уже невозможно было унять. Они сами по себе, они уже чьи-то чужие, неподвластные ему. Да и сам он уже не принадлежал себе.

Страх. Дикий, животный страх поразил весь его организм. Уничтожил само его «Я», раздавил, размазал тело по этой земле. Такой чужой для него земле, но в которую ему сейчас страшно хотелось спрятаться. Челюсть его тряслась, и противно стучали зубы. В паху вдруг стало тепло. Это от страха опорожнился мочевой пузырь и неожиданным теплом увлажнились его бедра. Но через несколько секунд мокрые ноги опять начинают мерзнуть.

Незаметно подкрался сентябрьский вечер. Уже начало веять вечерней прохладой. Ему становилось холодно. Холодно на этой чужой земле, в этом охватившем его ужасе.

Неужели это происходит с ним? Неужели это он, такой жалкий, серый, в парящих от остывающей мочи брюках лежит здесь, на этой твердой и уже прохладной осенней земле, дрожа от неопишуемого ужаса, как от холода?

«Нет, не может быть! Это не я! Это все происходит не со мной!!! Это кто-то другой. Господи, пусть это будет кто-то другой! Не я, только не я! Я, наверное, сплю, и мне это только снится?» – он пытался заставить себя поверить в то, что это всего лишь сон. Он боялся открыть глаза и приподнять голову, боялся вернуться в действительность.

Маленький, дрожащий мальчик, что ты делаешь здесь, в этих горах? Зачем ты здесь? Зачем ты лежишь на этой земле с плотно закрытыми от страха глазами? Почему ты не дома?

А дома сейчас, наверное, тепло. Там хорошо и уютно. Дома можно поставить кресло у окна, залезть в него с ногами и, укрывшись мягким пледом, наблюдать за всем со стороны. Все видеть и при этом ни в чем не участвовать. Совершенно ни в чем. Дома не страшно.

«Как же страшно здесь, как же хочется сейчас быть дома! Хочется видеть это все со стороны! Чтобы это происходило не со мной, как хочется, чтобы это был сон. А может быть, я на самом деле дома? Боже, а вдруг я действительно дома и сплю, и все это мне только снится?» – он закрыл глаза, пытаясь представить, почувствовать себя дома. А еще там мама.

«Мама, где ты, мама?! Я хочу к тебе! Господи, я так хочу к тебе, мама!» – он тихонько заплакал. Сейчас ему хотелось, чтобы жизнь взяла и развернулась назад, чтобы он снова оказался дома. Не здесь в этом кошмаре, а у себя дома.

«Ведь скоро, совсем скоро это должно было случиться. Но как же так?!» Он захотел опять стать маленьким, и чтобы кто-то большой, сильный взял его на руки и своими объятиями прикрыл от этого страшного и злого мира, защитил его, обогрел. Но этого не происходило и уже никогда не произойдет.

«Как страшно!»

Он был здесь, и все это происходило с ним. Слезы текли по его щекам, сопли, мешаясь со слюной, пузырились на его кривящихся, дрожащих губах. «Страшно, Боже мой, как же страшно!»

Он плотно сжимал глаза, дрожал всем телом, пытаясь заставить себя поверить в то, что все это ему только лишь снится. Он страшно хотел этого.

Чей-то ботинок вдруг больно наступил на его затылок, и прижал его голову к земле так, что нижняя челюсть вжалась в короткую сухую траву и перестала трястись. Трава прямо пахла перезревшим летом. От ботинка кисло разило жуткой смесью мокрой кожи, пота и грязи. Их хозяин давно не снимал их, не стирал носков и не мыл ног.

– Страшно? – откуда-то сверху прошипел хозяин ботинка и сильнее вдавил его голову в землю.

Он услышал голос, он почувствовал запах, он ощутил боль. Он вернулся в реальность.

«Боже! Это не сон! Это происходит со мной! Господи спаси меня, укрой меня, Господи!» – он силился вспомнить молитвы и призвать Бога. Он не замечал, что делает это вслух, тонким, дрожащим от ужаса голосом, поскуливая тихо, как щенок.

Он снова закрыл глаза. Сопrotивляться чему-либо, предпринять что-либо не было сил. Страх забрал их у него. Еще пару часов назад это был сильный и уверенный в себе человек. Сейчас же на земле лежал безвольный, трясущийся от страха боец, одетый в мокрую от пота майку и в грязные камуфлированные брюки, парившие высыхающей на остывающем воздухе мочой.

Страх. Он способен совершить с человеком, казалось бы, невозможное, сломить его, растоптать, унижить. Бойца трясло. Его тело и сознание сковывал ледяным холодом дикий, животный страх. Холодные, липкие, вязкие капли пота стекали по спине, все сильнее пропитывая и без того уже мокрую майку.

Вдруг кто-то рядом с ним резко всхлипнул, утробно зарычал, а потом захрипел на выдохе, издавая сиплый свист горлом. Боец открыл глаза, повернулся в сторону и увидел сержанта.

Сержант лежал лицом вниз, а из его горла, пенясь, вытекала кровь. Она медленно растекалась под лицом сержанта широкой красной лужей. Склонившись над сержантом, стоял высокий бородач и об его камуфляж спокойно вытирал от крови широкий охотничий нож.

Взгляд бородача остановился на лежащем в мокрой майке бойце. Боец затравленно посмотрел прямо в глаза бородачу. Он искал жалости, снисхождения, он надеялся. Но взгляд бородача был жестким, а взгляд не выражал ничего, кроме желания уничтожить.

Боец вжал голову в плечи и сильнее вдавил её в землю. Металлически-сладкий, тошно-творно-приторный запах свежей человеческой крови, вытекающей из горла сержанта, ударил ему в нос, обволок все лицо как ватой и заставил помутиться его организм.

Ком подкатил к горлу, распирая его, судороги свели живот, но рвать было нечем, желудок был пуст с самого утра. Изо рта тягуче выливалась слюна пополам с желудочным соком. Брюки опять стали мокрыми.

«Мама! Господи! Они убили его! Убили по-настоящему! Он умирает! Только меня так не надо! Не надо! Я же ничего, никому не сделал, я даже стрелял, не целясь, и только одну очередь. Только одну! Не надо меня так!» – он опять произнес это вслух. И невольно стал прикрывать свое горло руками. Хозяин ботинка визгливо рассмеялся.

– Страшно, воин? Ссышь? Не ссы, он уже по дороге в рай, – он кивнул подбородком в сторону сержанта, – и ты там будешь. Скоро.

Боец, услышав это, дернулся всем телом. Его разум снова помутился, и он опять потерял сознание...

Внезапно чей-то крик вывел его из забытья.

– Вы же обещали не убивать! Зачем вы это делаете?! Вы же обещали!!!

Он не смог узнать этот голос. Он открыл глаза, чтобы посмотреть, кто это кричал, и не узнал лица. Он уже никого не узнавал. Страх исказил лица всех пленников до неузнаваемости. Он силился вспомнить, кто бы это мог быть, но уже не мог вспомнить. Страх начал лишать его памяти.

– А мы и не стреляем. Мы – режем, – ответил хозяин ботинка и визгливо заржал, задрав вверх кудлатую голову.

Высокий бородач наклонился над кричавшим.

– Ты следующий.

Солдат дернулся, пытаясь освободиться, но Бородач наступил коленом на спину лежащего. Он спокойно взял солдата рукой за лоб, глубоко воткнув пальцы в глазницы жертвы, и сильно оттянул назад затылок. Подбородок солдата задрался высоко вверх, открыв вытянувшееся горло. Зрачки жертвы закатились глубоко под верхнее веко. Солдат глубоко и часто задыхался. От ощущения неизбежности смерти мышцы его свело судорогой, на шее вспухли и побагровели вены. Высокий бородач несколькими короткими быстрыми движениями ножа перерезал ему горло. И снова сиплый хрип. И снова кровь толчками выливается наружу, растекаясь и пенясь.

Сидевшие и стоявшие вокруг «джигиты» восторженно встречали каждую новую жертву. Они что-то оралы, ржали, как жеребцы, откидываясь назад и задирая ноги. Они ликовали. Они – победители. Боец в майке опять потерял сознание.

Хозяин ботинка жадно смотрел на все происходящее. С ним такое было впервые в жизни. Азарт первой в его жизни атаки сменился восторгом одержанной победы. Затем радостью от того, что так быстро и легко нашли спрятавшихся от них бойцов. И вот теперь он участвует в их казни, в казни побежденных им врагов.

«Война – это хорошо Она сделала из меня то, о чем я раньше и мечтать не мог. Теперь я настоящий мужчина, пропахший порохом и кровью врагов. Все дома теперь будут смотреть на меня с завистью, а девчонки будут прятать глаза и мечтать, чтобы я взял их в жены. Ха! Да раньше эти овцы даже не смотрели в мою сторону», – он довольно осклабился.

Невысокий, худой, с грязными ногтями, он тайно завидовал парням, которые были старше его, сильнее, увереннее. Но быть таким, как они, он только лишь мечтал. Он старался быть похожим на них, ходить, как они, держаться как они, разговаривать как они. Но он не был таким. Стать таким ему мешала его природная лень и трусость. Но он мечтал о хорошей

жизни, он жаждал достатка, славы, и почитания. Трусы всегда жаждут почитания других, преклонения перед собой.

Он не считал себя трусом. Он шел в атаку, он стрелял в «федералов», и он не боялся это делать. Он смотрел, что делают другие, более сильные и опытные, и, стараясь походить на них, делал то же. И теперь он уже не такой, каким он был раньше и каким его привыкли видеть. Теперь он почти такой же, как и те, кто его окружал, как те, кому он пытался подражать. И уже скоро он сравняется с ними по лихости и удали.

Сейчас глядя на то, как ловко орудует охотничьим ножом высокий бородач, он страшно завидовал ему. Он хотел так же выхватить нож и резать, резать пленников, как баранов. Он не питал к ним ненависти раньше, и сейчас он даже не осознавал, откуда в нем появилась такая жажда убивать их. Эта жажда обуревала его, заставляла подрагивать все его члены. Параноидальная жажда убийства, жажда видеть смерть своих жертв и упиваться от ощущения собственного могущества. Трусам свойственна особая жестокость.

Он даже представил, как это делает. Он несколько раз уже порывался сделать это. Но каждый раз что-то неведомое, неожиданно обдававшее холодом его желудок, останавливало его, не позволяло ему сделать это и возможности сдвинуться с места.

Он не осознавал, вернее, не хотел осознавать, что этот мерзкий холод внутри него, не что иное, как его собственный страх. Страх, сковывающий оцепенением все его маленькое существо. Он не мог дать себе ответ, откуда вдруг взялся этот страх. Это было выше его понимания.

Яростно желая убивать, он в то же время боялся заглянуть в глаза, обреченных им на смерть людей, боялся увидеть в их глазах смерть. Увидеть её по-настоящему, вблизи, прямо перед собой, увидеть ее холодный мрак, которым уже веяло из глаз несчастных.

Его сердце бешено колотилось от желания сделать это и страха перед этим. Вдруг оно не выдержит и лопнет, и тогда смерть придет и к нему, и заберет его, унося его вслед за убитыми кафирами?

Он гнал от себя этот страх.

«Он не может, не должен бояться! Он – волк. Это его должны бояться, это его должны в страхе молить о пощаде. А он не пощадит, нет. Врагов нельзя щадить».

«Убей!» – кричал в нем чей-то голос. Но предательский страх держал его на месте. От наплыва эмоций его стало трясти, как в ознобе. Нога, стоявшая на голове бойца, начала выбивать нервную дробь.

Вдруг какой-то бритоголовый солдат вскочил на ноги, ударил головой в живот державшего его боевика, сбил его с ног и что есть мочи побежал в сторону гор. Толпа сначала опешила, но потом заревела, заулюлюкала веселясь. Это позабавило их. Они знали, что боец не сможет далеко убежать.

Пусть пробежит метров двадцать-тридцать. Не больше. Любой из них мог, почти не целясь, практически в упор попасть в этого бойца.

Но азарт охоты! Вот она дичь, вот. И её можно взять в любой момент. Пусть только немного отбежит, чтобы было интереснее убить ее.

Высокий бородач остановил руку с ножом у горла очередной жертвы и с интересом уставился на бегущего Бритоголового. Он даже улыбнулся его дерзости. Бритоголовый пробежал несколько десятков метров.

– Хватит.

Все, кто сидел в первых рядах этого кровавого партера, схватили оружие и, стараясь опередить друг друга, стали стрелять в беглеца. Треск нескольких десятков стволов слился в один сплошной гул.

Хозяин ботинок, поддавшись всеобщему азарту, тоже рванул с плеча автомат и выпустил несколько длинных очередей в сторону убежавшего. Увидев, как в Бритоголового попало

несколько пуль, вырвавших на вылете из его тела куски плоти, он зарычал от восторга. Конечно же, он думал, что попал в солдата именно он. Он хотел этого. Каждый из них хотел этого.

Боец, пробежав еще несколько метров, как-то неловко споткнулся, упал на бок и потухающим взглядом последний раз в жизни посмотрел на своих убийц.

«И всё-таки я сбежал. Вы не убьете меня как животное. Хрен вам!» – он, криво улыбнулся и поднял в сторону бандитов, согнутую в локте правую руку, чтобы отчаянным русским жестом показать им свое пренебрежение к ним. Но силы покинули его, и, дернувшись несколько раз всем телом, Бритоголовый замер навсегда.

Подойдя к неподвижно лежащему телу бойца, кто-то из боевиков перевернул его лицом вверх и несколько раз пнул ногой, чтобы убедиться, что тот мертв. Пули, войдя в спину, прошли навывлет. Из груди торчали наружу осколки разбитых ребер. Кровь тихо вытекала из ран. Боец не дышал.

– Сдох, собака! – двое или трое бандитов выпустили в уже мертвое тело еще несколько очередей.

– Всё. Пошли смотреть, как будут умирать остальные...

Холод, трясущийся на голове ботинок и звуки выстрелов вернули в действительность. Лежавший в мокрой майке боец только сейчас понял, что на нем не было куртки. Помутневшим взглядом он смотрел вокруг себя, выхватывая остатками сознания рваные картинки происходящего.

Страх уже лишил его слуха. Он не слышал, что творится вокруг него. Он мог только видеть. И он увидел, что все бойцы его взвода, которые добрались вместе с ним и лейтенантом до поселка, уже неподвижно лежали вокруг него. Все они были мертвы. Остался лишь он.

От холода его снова стало знобить, захотелось согреться. Он поджал под себя руки, прижав их к мокрому, холодному паху. Рукам стало немного теплее, но плечи, грудь и спину трясло. Он силился вспомнить, где он потерял куртку? То ли не надевал её вообще и прямо на голое тело набросил бронезилет, выбегая из блиндажа, когда начался бой, то ли снял её с себя вместе с бронезилетом, когда бежал с позиций в поселок? Но он так и не вспомнил это.

«Да какая разница?» – теперь ему все стало как-то безразлично. Абсолютно все. Даже собственная жизнь. Грань между жизнью и смертью, ощущение и понимание которой заставляет человека цепляться за жизнь, уже была стерта. И теперь он не боялся перейти эту грань. Ведь все, кого он знал, с кем он был последнее время, кто окружал его, уже перешли ее до него. Все они были уже по ту сторону, все они были мертвы.

Они ушли и оставили его один на один с ужасом, царившим вокруг. Он был последний.

«Почему последний, почему его не убили первым?»

Рассудок на мгновение вернулся к нему, и он вдруг понял, что все из-за майки.

Он был в одной майке. Его куртка с погонами старшего сержанта была где-то брошена, и никто из «духов» так и не понял, что он был заместителем командира этого взвода. Иначе они убили бы его вслед за лейтенантом. Но в их глазах он был всего лишь жалким и обоссанным «чмошником», в потной майке, в мокрых и грязных камуфлированных штанах. Поэтому его не убили сразу. Вначале его хотели оставить в живых: такой жалкий был у него вид. Оставить в живых, взять с собой и водить по горам как образец трусости, но в последний момент, жажда крови и пропавшее желание возиться с ним, решили его судьбу.

«А ведь все уже ушли. Они ушли туда, где нет этих жутких людей. Они уже не боятся их, не молят о пощаде, не унижаются перед ними. Этот кошмар для них уже закончился. И все они сейчас лежат спокойные, и уже совсем ничего не боятся, и им даже не холодно. Им, наверное, хорошо там, куда они ушли. А я все еще здесь, и всё ещё боюсь.

Боюсь?

Нет. Нет, я уже ничего не боюсь. Я не боюсь, ни этих людей, ни того, что они делают. Потому что я знаю, как их обмануть. Я знаю, что нужно делать: я сбегу к своему взводу. Да, я уйду к нему. Я тоже умру, и тогда уже не буду бояться ничего. И весь этот ужас наконец-то закончится. Там будет хорошо. По крайней мере, там будет не так страшно, как здесь, там будет спокойно. Ведь они все уже спокойные, – обессиленным и уже безразличным взглядом «Замок» смотрел на трупы солдат, – Только как умереть, чтобы без боли, быстро?»

Он перестал видеть. Страх лишил его зрения. Вокруг него сгустилась тьма, как будто кто-то выключил день. Но его это уже не пугало. Мысли путались, из памяти начинали выплывать какие-то смутные картины из его жизни. Он постепенно уходил от реальности.

Бородач, закончив расправу над очередным бойцом, посмотрел на маленького, худого моджахеда, державшего ногу на голове пленного солдата. Он давно обратил на него внимание.

Бородач видел, как тот смотрит на него. С каким восторгом и завистью. Он знал таких людей, маленьких, трусоватых, подлых. Они, забитые, никому не нужные и всеми презираемые, каким-то чудесным образом вдруг получив привилегии или власть, становятся кровожадными и беспощадными тиранами, вымещая на подвластных им тот страх и те унижения, которые им самим приходилось когда-то испытать. Особенно же им нравится вымещать свою злобу на более сильных, чем они, людях, видя их беспомощность, страх и мучения. Они получают от этого удовлетворение. Неопишное удовлетворение, сродни сексуальному.

Но вместе с тем, они становятся по-собачьи преданны теми людям, которые дают им преимущество перед другими. Эти привилегии и власть. Они готовы угождать своим хозяевам во всем, выполнять любую их команду. Они становятся самыми управляемыми рабами, боготворящими хозяина и безмерно гордящимися этой своей рабской участью. Раб, получивший власть над другими рабами, становится еще большим тираном, чем его хозяин, а значит, хозяин может положиться на него в деле усмирения остальных рабов.

«Хороший пес», – Бородач подошел к худому, хитро ухмыляясь, посмотрел на него и протянул свой нож.

– На. Сделай это.

Худой посмотрел на Бородача, потом на нож. Он сперва даже обрадовался такой неожиданной чести, которой удостоил его Бородач, и уже протянул было руку за ножом, но взгляд худого упал на лежащего под его ногами пленного солдата, и он отдернул руку.

Он смотрел на распластанное под своими ногами, содрогающееся от дикого, животного страха тело живого еще человека. И сейчас он должен вогнать в это тело нож, почувствовать, как сталь входит в его тело, режет, рвет его плоть, ощутить своей рукой, как убиваемый им, тщетно цепляясь за уходящую жизнь, бьется в конвульсиях, увидеть, как его кровь пенится на руках, держащих нож, и от этой крови будет исходить запах убитого им человека. Запах его тела, его липкого пота. Запах смерти. Он ощутил этот запах физически и испугался. Он не был готов к этому.

Рука, взявшая нож бессильно опустилась. Нож задрожал в ней, готовый вот-вот выпасть. Худой округлившимися от страха глазами смотрел на Бородача.

– Давай. Ты сможешь! – Заорал на него Бородач.

Он дико посмотрел на это маленькое и грязное существо. Лицо Бородача перекошилось, глаза горели злом и презрением. Казалось, еще секунда и Бородач отберет нож у этого худого, тщедушного и отвратительно трусливого человека и сам воткнет его ему в шею.

Худой страшно боялся Бородача, а под его ногами лежал пленный солдат, из-за которого его самого могли сейчас убить. И теперь он видел в нем врага, смертельного врага. Страх перед Бородачом породил в нем ненависть к этому пленному, а ненависть породила ярость. И он с яростью стал кромсать ножом тело пленного.

На руку брызнуло теплым и липким. Он хотел одернуть руку, но свирепый взгляд Бородача не дал ему это сделать. Нож упирался во что-то мягкое и теплое, и худой, дергаясь от

страха и торопясь, резал, резал это мягкое и теплое. Жертва даже не пошевелилась. Худой удивился этому, и тут же его страх мгновенно сменился исступлением. И он резал, резал, пока голова пленного не отделилась от тела.

Покончив с пленным, худой встал, держа в опущенной руке за волосы отрезанную голову пленного. Его грудь и лицо были залиты парящей на вечернем воздухе кровью, только что убитого им бойца.

Шатаясь и рыча от возбуждения, он смотрел на Бородача.

Он смог. У него получилось.

Бородач улыбаясь, поощрительно похлопал его по плечу и что-то сказал ему. Худой этого не слышал, от переизбытка чувств в его глазах все плыло и качалось, как у пьяного, его слух притупился. Он видел глаза Бородача и понимал, что если не сделает того, что приказывает Бородач, то судьба его решится тут же. Он убил врага и остался жив. Лично, собственной рукой убил. Он смог это. Он доказал всем, что может это сделать.

Все эти чувства смешались в нем, и его всего трясло от дикого восторга, граничащего с экстазом.

Замкомвзвода не почувствовал, как чье-то колено надавило ему между лопаток и прижало его грудь к земле, он не почувствовал, как ему задрали голову. Он почувствовал лишь то, как что-то постороннее, вдруг холодно и остро вошло ему в горло, разорвало его и вышло из него, так же неожиданно, как и вошло. Ему не было больно, ему было всё равно. Его грудь почувствовала тепло. Тепло растекалось вниз к животу – это покидающая его жизнь согревала его остывающее тело вытекающей из него же кровью.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.